

Калдовские

Миры

Чужой мир

Оксана Гринберга

Annotation

Неприятно попасть под колеса джипа, когда просто выбежала из дома за молоком! Можно сказать, смертельно... обидно. Но а если не смертельно, то все равно обидно, потому что в результате — неожиданно и странно. Да и чужой мир не встретил с распростертыми объятиями. Но — где наша не пропадала, даже если куда-то не туда попадала! Они в нас магией, мы в них — тяжелыми предметами... Они в нас — проклятьем, мы на них — порчу! Не зря бабка гадальный салон держала и всегда говорила: «Ты, Марта, настоящая ведьма!» Я-то думала, ругается, а оказалось... Ой, а они в нас опять... полцарством... А мы в них — конем! Стойте! Я совсем запуталась... Какой конь, зачем полцарства? Домой хочу, к мужу, молоко отнести!

Оксана Гринберга

Чужой мир

© Гринберга О., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

— Марусь, а молоко у нас есть? — страдальчески спросил муж. Я вздохнула. Вообще-то молоко он выпил еще утром. И меня Мартой зовут, но за два года семейной жизни я незаметно превратилась в Марусю.

— Нет, солнышко, молока у нас нет!

— Очень хочется... — заныл он. — Ну сбегай в магазин, пожалуйста!..

Я села рядом на диван и потрогала его лоб. Высокой температуры не наблюдалось уже второй день, и мне казалось, что пришло время встать и вернуться к привычной жизни, но он продолжал капризничать. Неделя его простуды и мне далась нелегко.

Страшный демон-вирус превратил заботливого мужа в раздражительное существо. Диван в гостиной, заставленный кружками, ноутбуками, игровыми приставками, походил на берлогу запасливого медведя. Этому медведя требовалось кормить несколько раз в день любимыми блюдами, поить лечебными отварами и всячески жалеть.

Я собрала разномастные тарелки, отнесла на кухню и засунула в посудомоечную машину.

— Ну так что, сбегаешь в магазин? — спросил он, когда я вернулась за кружками.

— Конечно! — Пришлось согласиться, хотя идти ужас как не хотелось.

— Колбаски еще купи... И сладенького чего-нибудь!

Ну и пожелания! Как у девушки в интересном положении.

— Пошла собираться, — вздохнула я.

Говорят, кризисные годы для пары — второй и восьмой. Или третий и пятый? Застегнула второй сапог и задумалась. Точно не помню! По мне, кризис у нас начался еще до того, как женщина в мятом костюме с торжественным выражением на лице произнесла: «Объявляю вас мужем и женой!» Последний год я несколько раз пыталась прекратить безобразие под названием «семейная жизнь», но муж уговорил повременить, обещая, что все наладится.

— Ну, и что может наладиться? — спросила я у своего отражения в зеркале. Светловолосая сероглазая девушка растерянно пожала плечами. Вот, она тоже не знает! Непонятно, где оно прячется, это семейное счастье... Сплошные нервы! Я даже вязать начала исключительно для их успокоения. Шапочка красная из ниток-букле — новое творение!

Натянула на светлое трикотажное платье до колен теплую кофту. Привычным движением сунула за ворот серый камень на кожаном шнурке. Угу, волшебный камень, гранит называется. Его мне бабушка подарила. На удачу заговоренный. Она мастерицей на такие дела была. Меня тоже учила, как магическими Потоками управлять, утверждая, что талантом я в нее пошла. Может, и пошла, но недалеко, до тех пор, пока замуж не вышла и Сергей не запретил глупостями заниматься. Словом — не оправдала ее надежды.

Муж раздражался при виде бабкиного подарка. Купил цепочку золотую с кулончиком и учинил страшный скандал, когда отказалась талисман снимать. Теперь я носила оба подарка одновременно.

Вздохнув, протопала в сапогах к окну и взглянула на градусник. Минус двадцать пять! Пусть я родом из сибирской глубинки и такими морозами нас не удивишь, но на улицу совсем не хотелось. Уехать бы к теплему морю из московской зимы! Только вот отпуск когда еще будет, а завтра снова на работу. И почему по уходу за мужем больничный не дают?

Надела пуховик, взяла варежки. У нас даже в сорокаградусный мороз говорят, что нет

плохой погоды, есть неправильная одежда.

Крикнула мужу:

— Сереж, я ушла!

Он что-то прокашлял в ответ. Я не расслышала, но решила не переспрашивать. До магазина идти минут пять, сейчас, правда, по скользкой дороге так быстро не добежишь. Подхватила черный рюкзачок. Может, и себе пирожное куплю, исключительно в профилактических целях, для улучшения настроения... А худеть, как всегда — завтра, в спортивном зале. Хотя с моим спортивным прошлым и настоящим лишние калории попросту не приживаются! С этой приятной мыслью я открыла дверь и вышла в холодный воскресный вечер.

Старый Арбат впал в зимнюю спячку. Людей в центре практически не было, хоть и горели призывно неоновыми огнями витрины небольших магазинчиков, а из-за плотно закрытых дверей пабов и ресторанов доносилась приглушенная музыка. Таксисты, негромко переговариваясь, курили около ирландского бара, внутри которого я не увидела ни одного посетителя. Мимо протопала тетенька, закутанная в шерстяной платок, задела меня плечом, пробормотала что-то нелестное.

Холодно. Сапоги-то новые слишком тонкие для такого мороза. Мы в самом центре живем, и я даже в магазин ходила красивая. А то выйдешь в старой куртке и заношенных австралийских валенках — «угги» называются — так обязательно знакомых или коллег встретишь. Будут потом языки чесать...

Добежала. Купила продукты, едва запихнула все в рюкзачок. Да уж, сходила за молоком! Заново упаковалась в шапку, капюшон, варежки, вздохнула и ринулась навстречу аномально-холодной московской зиме. Да, случались и раньше холода, но чтобы два месяца подряд за минус двадцать? Хотелось уже потепления, желательно глобального! Чтобы пальмы, жара и по центру — красотки в бикини и мускулистые мужчины в шортах, как в фильмах про Калифорнию...

Вместо полуобнаженных девиц меня встретило ледяное дыхание вечера и редкие прохожие, закутанные в одежды. Я прибавила шаг. Решив срезать путь, свернула в узкую вымощенную крупным булыжником улочку. Впереди горел одинокий фонарь, и в его тусклом свете безумным хороводом метались снежинки.

Скользкий тротуар закончился, уступив место дорожным работам. Кому пришло в голову его ремонтировать в такой холод? Перепрыгнула через стальную трубу, наступив на брошенную кафельную плитку, оттолкнулась, собираясь перескочить через неглубокую яму. Неожиданно нога соскользнула, и я стала падать. Мамачки! Попыталась развернуться, сгруппироваться, но помешал тяжелый рюкзак. Вылетела на проезжую часть, приземлившись на колени и руки.

Шум! Утробное рычание мощного двигателя, металлический скрежет шипованной резины... Глянула через плечо. Боже мой! Из переулка вылетел здоровенный джип. Протекторы гигантских колес с огромной скоростью пожирали пространство. В ужасе ринулась на четвереньках к тротуару, понимая, что водитель не успеет затормозить, а я — уползти с чертовой промерзшей дороги...

Джип совсем рядом! Упала на живот, прижимаясь к мостовой, как солдат перед немецким танком, все еще надеясь, что меня не зацепит днищем.

Тут грудь пронзила боль. Бабкин подарок, серый кусок гранита с вкраплениями кварца, раскалился, словно металл в доменной печи. Талисман прожигал кожу, будто собирался

пройти через кости и добраться до сердца раньше, чем нас раздавит монстр на колесах. Наверное, я все же закричала...

Я видела колесо совсем рядом со своей головой... Замерла, ожидая неминуемого. Но вместо этого боль исчезла, мир стал растворяться, уступая место тьме. Неведомая сила выворачивала меня наружу, увлекала за собой туда, где больше ничего нет... Ей было невозможно противиться, я понимала, что это — все. Последняя мысль была о лете. Я ведь так и не побывала в Калифорнии...

Толчком включилось сознание, и ощущения хлынули потоком. Я лежала на спине, не могла ни пошевелиться, ни открыть глаза. Болело все тело, словно меня били — долго и профессионально. В голове — шум многотысячной толпы.

Кто я? Мысли текли медленно и вязко, как вагоны грузового состава. С трудом выудила ответ из давшей сбой памяти...

Меня зовут Марта, мне семнадцать, участвую в соревнованиях по боевым искусствам. «Золотой Дракон» — красивое название для боев без правил! Правило лишь одно — не допустить смертоубийство. Остальное разрешено. Двое парней из нашей школы кунг-фу уверенно рвались к победе. Я тоже дошла до финала. Потому что Учитель у нас самый лучший!

Отец отдал меня в Школу в семилетнем возрасте. После десяти лет ежедневных тренировок и спортивных летних сборов я чувствовала себя профессиональным орудием разрушения. И как я пропустила удар?.. Славно же меня приложили!

Шумят-то вокруг! Неудивительно, билеты распроданы, трибуны переполнены. Радуются за соперницу? Не помню, кто она... Вертлявая худая турчанка по прозвищу Гюрза или крупная с кулаками-молотами украинка? Голова болит, раскалывается... Последний призовой бой, а я валяюсь в отключке!

Учитель, наверное, недоволен. Марек тоже будет беспокоиться, он всегда слишком за меня переживает. Пора вставать! Хотя нет, еще немного полежу... Дождусь, когда рефери начнет считать. На «шесть» открою глаза и поднимусь. Найду глазами Учителя, Виктор Егорыч довольно кивнет. Его одобрение очень важно, ведь после смерти родителей он заменил мне отца. Ребята из группы стали лучшими друзьями. Один из них стал моей любовью, смыслом жизни... Марек!

Как же хочется оказаться в нашем маленьком зале, где мои слезы и кровь впитались и в доски пола, и в кожаные «груши», о которые я постоянно сбивала кулаки. Увидеть зеркальную стену, где отражается «старшая» группа: парни и девушки в темной форме с символикой Школы на груди. Кривую горку матов в углу — на них мы отрабатывали акробатические прыжки и приемы айкидо. У дальней стены наш арсенал: шесты, деревянные мечи и ножи.

— Марта, хватит валяться! — крикнет седой коренастый мужчина, подходя ко мне. Это — Учитель, его плавные движения и грация хищного зверя меня просто завораживают.

— Тридцать отжиманий — чтобы ворон не ловила... Где был блок? Не успела? Чему я тебя учил?

Я встану, отдышусь и начну отжиматься.

— Разбиваемся по двое и отрабатываем удары в корпус... Марек, что стоишь дурак дураком? На Марту засмотрелся? Пятнадцать ударов по прессу, Руслан, исполняй! У нас тренировка, а не дискотека...

Затем встану в пару с Марekom. Он будет поддаваться, жалея меня. Я этим воспользуюсь. Молниеносный уход, замах. Остановлю голую стопу в сантиметре от его красивого лица... Вот и не надо мне подыгрывать! Он улыбается. Знаю, хочет сжать в объятиях и поцеловать. Но не здесь, не сейчас, после тренировки...

— Молодец, Марта! Чистая победа! А ты, Марек, — труп. Добаловался... Девчонке

проиграл! — Судя по улыбке Марека, он готов проигрывать вечно. Но только мне! Приятно...

Мечтам не время, сейчас поднимусь и завершу поединок. Кто бы ни была соперница, ее черед валяться в отключке! Затем пойду смотреть, как бьется Марек. Сегодня мужские полуфиналы, и он обязательно пройдет дальше — дерется уверенно, технично, красиво.

Боже, как мне жить без него?.. Осенью придется расставаться, это мои последние соревнования. Месяц назад я поступила на экономический в МГУ и переезжаю к бабушке в Москву. Сердце сжалось, слезы подобрались к глазам близко-близко. Нет, нельзя рыдать, не сейчас, не во время же боя!

Жарко. Пот течет по лицу. У них что, кондиционеры сломались? Где рефери? Неужели решили, что мне нужен врач, и остановили бой? Нет, так дело не пойдет, я выиграю эти дурацкие соревнования!

Открыла глаза и сразу же зажмурилась. Яркий свет ослепил до боли... Но этого не может быть!

Разлепила веки. Чистое голубое небо, солнечный диск в зените... Ни души! Я лежала вовсе не на ринге в зале спортивного комплекса. Никто не кричал и не аплодировал, да и трибун не было. Застонала, пошевелилась, села. Тело казалось одеревеневшим, словно я долго пролежала в анабиозе. Хорошо хоть шум в голове стихал.

Где я? Во все стороны, убегая за горизонт, раскинулись рыжие песчаные дюны. Я сидела на вершине одной из них и плавилась на жарком солнце. Нет, определенно не Москва. И даже не прибрежная зона курортной Анталии! Вместо влажного морского воздуха в легкие врывалось раскаленное дыхание пустыни. И вокруг — ни души!

Боже, как жарко! На мне теплая длинная куртка. Любимый рюкзачок рядом. Я потрогала мокрые от пота волосы. Сорвала шапку. Красная, вязаная, из ниток-букле...

Тут я окончательно вспомнила! Мне уже не семнадцать, а двадцать три. Какие бои без правил? Соревнования, где взяла первый приз, давно канули в Лету... А Марек, лучший друг и моя первая любовь, человек, которого я знала с детства, потому что наши родители, потомки ссыльных поляков, держались вместе... Ох, я ведь почти два года замужем за другим!

Понимание происшедшего проникло в сознание, заставив вздрогнуть. Боль сдавила горло, да так, что не давала вдохнуть. Затем ушла в сердце... Я ведь только что умерла в холодном зимнем переулке, попав под колеса джипа!

Потекли слезы, моментально высыхая на щеках. Выплакавшись, почувствовала себя немного лучше — по крайней мере, могу дышать, да и сердечный приступ больше не грозит. Что же со мной произошло? Осторожно ощупала голову, сняла пуховик, осмотрела руки, ноги. Каждое движение отзывалось болью в висках, но травм, несовместимых с жизнью, не обнаружилось: никаких торчащих костей, открытых переломов или запекшейся крови на спутанных длинных волосах.

Дернула за шнурок, вытаскивая серый камень: горячий, но ладонь не обжигает. Тонкая золотая цепочка мужа тоже никуда не делась. Заглянула в вырез трикотажного платья — там, где касался кожи талисман, — красное пятно, но ни волдыря, ни ожога не заметила. Странно все это! Может, это бабкин подарок меня спас? Навряд ли! В ее гадальном салоне таких «заговоренных» камней целая корзина была — на все случаи жизни.

Слишком жарко... Я стянула шарф, кофту и теплые штаны, оставшись в светлом обтягивающем с длинными рукавами трикотажном платье до колена — в Москве зима же! Для профилактики солнечного удара вернула на голову шапку. Конечно, на жену бедуина не

похожа, но какое-то время продержусь. Взглянула на сапоги. На них ушла половина ноябрьской зарплаты. Жаль, конечно, гробить дорогую итальянскую кожу на барханах, но не идти же босиком!

Я решительно дотянулась до рюкзака. Повезло, хоть в магазин успела забежать перед джипом. Достала два пакета молока и две бутылки минералки: покупала для экспериментов на муже: слышала, при кашле помогает теплое молоко с «Боржомом». В магазине, на счастье, случился зрительный контакт с палкой копченой колбасы, сыром, хлебом и плиткой горького шоколада. Вот и все запасы. Не густо, но могло быть хуже!

Открыла молоко, понимая, что все равно на жаре оно долго не протянет. Съела подтаявшую плитку шоколада, потом долго оттирала песком липкие пальцы. Засунув теплую одежду в рюкзак, обвязала его курткой. Я видела по «Дискавери» передачу, в которой говорили, что в пустынях довольно сильные суточные перепады температур. Скорее бы они начали уже... перепадать, а то жарко, сил нет!

Огляделась, выбирая, куда идти. Стороны казались совершенно одинаковыми. Вокруг, куда ни глянь, раскинулось песчаное море. Его поверхность, словно застывшие волны, покрывали барханы, от маленьких до штормовых десятибалльных. Где же тут берег? Долго щурилась, рукой прикрывая глаза от солнца, пока не разглядела вдалеке расплывчатые очертания гор. В том же самом направлении, чуть правее, виднелась россыпь больших камней, расстояние до которых, казалось, не превышало пары километров. Решив, что смена пейзажа пойдет на пользу усталым нервам, отправилась в дорогу.

Стараясь найти оптимальный путь, я обходила высокие барханы. Вернее, брела, проваливаясь по щиколотки, падая, застревая в песке, вновь поднимаясь и упорно двигаясь вперед. Песок забивался в рот, противно скрипел на зубах, попадал в сапоги. Замотала шарфом лицо, оставив лишь маленькие щелки для глаз. Часа через два добралась до камней, вырыла углубление в тени самого большого, сбросила рюкзак, расположилась в яме и, накрывшись курткой, заснула. Проснулась, когда день уже шел к закату. Вылезла, откапываясь, словно землеройка, из засыпанного убежища. Песок был везде, я долго вытряхивала его из-под шапки, из сапог и одежды. Выпила начавшее скисать молоко, подкрепилась хлебом и колбасой. После короткого сна почувствовала себя бодрее, но кожу лица и рук нестерпимо жгло. Так и есть, обгорела на солнце!

Вечер принес приятную прохладу и окрасил небо в золотисто-розовый цвет. Солнце огромным светящимся диском постепенно спускалось за линию горизонта. Я решила идти вперед, пока окончательно не стемнеет. В предзакатном небе четко различались очертания гор, но только теперь стало понятно, насколько они далеко. Зато барханы были повсюду.

Пить хотелось нестерпимо. Одна бутылка воды заканчивалась, и это пугало. Неужели я спаслась от смерти в холодном переулке только для того, чтобы умереть от жары и жажды в пустыне? Единственный вариант, до которого пока что додумалась, — в последнюю секунду меня телепортировали в бескрайние африканские просторы где-то в сердце пустыни Сахара. Вариант бредовый, но как еще объяснить произошедшее?

Вскоре показалась луна. Звезды сияли россыпью бриллиантов, блеск их резал воспаленные от песка и яркого солнца глаза. Я остановилась на вершине очередного бархана и попыталась найти знакомые созвездия. Ни одного похожего! Надежда, что я в пустыне Сахара и скоро выйду к африканскому городу, и добрые аборигены отведут в Российское представительство, таяла, как последний снеговик под апрельским солнцем. Хотя, может, меня просто подводит память?

Приказав себе меньше думать и больше шевелить ногами, я шла к горам. Ночью стало холодно. Куртка пригодилась, хорошо, что не выкинула! Я упорно продвигалась вперед, останавливаясь лишь выпить воды и перекусить. Выбивалась из сил, но продолжала следовать заложенному алгоритму: забиралась на очередную дюну, скатывалась вниз, отряхивалась и ползла дальше. Под утро, преодолев очередной бархан, уже не смогла подняться. Натянула шапку на глаза, свернулась калачиком.

Если это наказание за совершенное в прошлой жизни, то где-то я очень провинилась! Господи, что сделать, чтобы ты простил меня? Устав от размышлений, пробормотала несколько молитв, путаясь в словах. Но заснула с твердой уверенностью, что завтра обязательно случится что-то хорошее: либо меня найдут, либо я дойду. Неважно куда, но дойду. Там будут люди и много, много воды...

Проснувшись, когда солнце уже раскалило землю. Расправила затекшие конечности. Кожа лица, рук и шеи горела нестерпимо. Вспомнила, как бабушка мазала мне обгоревшую на летнем солнце спину сметаной, полезла в рюкзак. Сметаны не имелось, зато скисшего молока было предостаточно! Намазала лицо, руки, шею. Позавтракала хлебом с сыром и колбасой, отпила из бутылки и отправилась в путь.

Время растворилось. Казалось, я иду вечность, а может, целых две. Мысли путались от жары и усталости. Я вспоминала мужа, друзей, свою первую любовь. Неужели больше их не увижу?.. Никогда?

Ведь я так и не спросила у Марека, почему он отпустил меня шесть лет назад. Почему не запретил, не попросил остаться, а отступил в сторону, сказав, что желает счастья? И вот ползу я по пустыне счастливая до невозможности... Почему после окончания университета не вернулась в наш маленький городок, в котором выросла? Хотела, но оказалось уже не к кому! Я и замуж-то вышла назло, когда добрые люди донесли, что у него есть девушка, с которой все серьезно. У Марека, значит, девушка, а у меня? А у меня начальник отдела в банке, который давно ходил кругами, постепенно сужая радиус. Добивался б и дальше или же уволил бы за то, что не поняла сокровенных желаний начальства. Но у него девушка. Вот и мы тоже через три месяца сыграли свадьбу!

Вконец обессилев, поняла, что дальше идти не могу. Вырыла углубление в тени высокого бархана, завалилась в него, накрывшись сверху курткой. Когда стало вечереть, поднялась и поползла дальше. По-другому мое передвижение назвать было нельзя. Болели растертые в кровь ноги. Первая бутылка «Боржоми» закончилась. За воду я могла бы стать наемной убийцей, но никто не предлагал. Но шла, ползла вперед, твердя себе, что впереди город и я обязательно дойду.

Время от времени поглядывала на далекие горы. Я уже четко видела неровные очертания склонов, высокие пики, теряющиеся в дымке тонких облаков, но не могла представить, сколько еще идти... Голос разума нашептывал, что пустыня меня убьет значительно раньше.

На предзакатном небе появились две темные точки. Ловя жаркий воздух раскрытым ртом, я облизала потрескавшиеся губы. Они приближались! В груди поселилась надежда, ускоряя биение сердца, придавая силы. Может, это поисковая экспедиция — меня все же ищут? Но как они узнали, что я в пустыне?..

Я замерла на вершине дюны. Точки быстро приближались. Скорее, это птицы, а не экспедиция... Разочарование удавкой сдавило горло. Ладно, кто бы это ни был, радует одно — они пьют, значит, неподалеку есть источник. А еще они едят. Интересно, что? Ну да

ладно, не время для урока зоологии. Я уже различала раскнутые крылья, выделяющиеся точки голов... Они приближались слишком быстро, но при этом крылья оставались неподвижными! Какие-то неправильные птицы... Нехорошее предчувствие заставило меня броситься вниз.

Я судорожно рыла убежище, разгребая руками песок, жалея, что не родилась пустынным тушканчиком. Закопаться бы в песок, чтобы никто не нашел!

Стало тихо, словно кто-то разом выключил все звуки. Только скрип песка, поземкой сбегającego с бархана, да мое испуганное дыхание. Подняла взгляд и замерла. На вершине дюны сидели... Мамочки! Не знаю, что это были за существа, но точно не птицы!

Они казались огромными, выше меня ростом, совершенно черные, покрытые развевающимися на ветру лохмотьями. Я не различала голов, глаз и конечностей — под лохмотьями клубился темный туман, делая их похожими на кошмарные тени.

Существа смотрели на меня. Глаз я не видела, но чувствовала, как проникает внутрь ледяной, потусторонний взгляд, шарят в сознании чьи-то злые, грубые руки.

«Пошли вон!» — мысленно крикнула я, выкидывая чужаков из головы, разрывая контакт. Они пошевелились и скользнули вниз, ко мне. Ясно, будут убивать. Но как? Задуют опереньем? Нет, замерли в отдалении...

Удар по сознанию оказался таким сильным, что я упала на спину. Во рту появился солоноватый привкус крови. Дотронувшись до лица, увидела на руке кровь. Наверное, из носа... Вот гады!

Тогда я поставила ментальную защиту. Этому меня тоже учила бабушка. Кто же знал, что пригодится ее наука?

Только студент, похоже, вышел из меня плохой. Существа, объединив силы, сломали преграду и накнулись, словно падальщики. Я чувствовала чужеродное присутствие в голове, они на пару вытягивали жизненную силу и при этом продолжали, нахохлившись, сидеть на вершине бархана.

Нокдаун! Бой почти проигран. Где рефери, что позволит прийти в себя и собраться для ответного удара? Ни души! Лишь неизвестные твари, что с огромной скоростью высасывают остатки жизненной энергии. Я судорожно искала магический Поток, в котором можно пополнить силы. Раньше я в такой заходила только с бабушкиной помощью. Теперь она умерла, да и меня, похоже, скоро не станет, если не буду пошевеливаться...

Навалились апатия и сонливость, стало холодно, несмотря на сорокаградусную жару. Я почувствовала, как замирает кровь в венах, как потяжелели голова и руки. Песок манил, предлагая прилечь и расслабиться... Ну уж нет! Как пользоваться чертовой магией в этом мире? Неожиданно я поняла, что она повсюду!.. Раскрыла сознание, окунаясь в полноводную энергетическую реку, пропуская ее через себя. Ого! Она заполняла меня, переливалась через край, я не могла впитать так много. Ничего подобного в Москве не было!

Усилием выкинула из головы чужое сознание, вновь поставила защиту. Тени шли в атаку, бились о ментальную стену. Я же, почувствовав вкус победы, вплетала в щиты новые и новые кружева заговоров. Ведь бабушка такая затейница была! И хвори прогоняла, и мужей неверных возвращала. А уж по заговорам ей равных не было во всей столице. Ну, так она утверждала...

Наконец, оставив попытки пробиться сквозь защиту, Тени скользнули вниз и поплыли, не касаясь песка. Лохмотья развевались, мрак вылетал клочьями, растворяясь в предзакатном свете. Мое сердце стучало, адреналин бушевал в крови, я понимала, что сейчас меня будут

убивать. Непонятно как, но будут...

— Уходите! — крикнула я, поднимаясь на ноги. — Прочь!

Протянула руки вперед, из последних сил загоняя Поток в себя, пропуская через тело, направляя в ладони. Неужели получилось? Огненная неуправляемая река обжигала внутренности. Две голубые молнии вылетели из ладоней и попали в первую Тень. Обалдеть! Неужели я так могу?!

Запахло паленой шерстью. Онемев, смотрела, как упала, осела кучкой черного тряпья самая крупная тварь. Поток продолжал литься через меня, и не было сил выйти из него, разорвать связь. Видела, как в упавшую Тень попал еще один разряд. Вторая Тень озадаченно зависла рядом. Затем, развернувшись, быстро двинулась прочь, взлетая на вершину бархана.

Балансируя на грани потери сознания, я протянула руки в ее сторону. Еще две молнии, сплетаясь в искрящийся разряд, вылетели из ладоней, затем пришла темнота...

Медленно возвращалось сознание. Я лежала на боку, рука затекла от неудобной позы. Со стоном пошевелилась, перекатилась на спину. Оказалось, уже стемнело. Полная луна уверенно светила на чужом небе, звезды складывались в неизвестные рисунки, в которых я снова не находила знакомых созвездий.

Нащупала рюкзак, вытащила последнюю бутылку «Боржоми» — воды осталось меньше половины. Сделала два глотка. Возможно, двадцать два прояснили бы мысли и дали силы идти дальше...

Тени! Перевернулась на живот, с трудом поднялась на четвереньки. Неподалеку, едва различимые в лунном свете, виднелись две кучи тряпья. Неужели это я их?.. Инстинкты взвыли, предупреждая, что надо уходить, уползать, и чем скорее, тем лучше. Пропажу обнаружат, за ними придут! Ведь наверняка поблизости гнездо, рассадник заразы.

Я все же подползла и засыпала песком останки существ, пытаюсь не смотреть на уродливое дымящееся тряпье и омерзительную субстанцию внутри. Затем встала и побрела по направлению к горам. По дороге размышляла, чем же я их так приложила. Помнила, как вошла в Поток, как пропускала его через руки, помнила обжигающую боль в теле и молнии, срывающиеся с кончиков пальцев. Вот бы бабушка удивилась! Ведь сила Потока в нашем мире слишком слаба для подобных чудес.

Затем я шла... Спала, когда не могла двигаться, просыпалась и брела, ползла дальше. Горы приближались, затем удалялись, убегали от меня, громко издевательски хохоча, трясли заснеженными вершинами. Я терла уставшие воспаленные глаза, сбрасывая морок, все яснее понимая, что до гор мне не дойти. Не в этой жизни.

Вода закончилась. Я где-то потеряла рюкзак с зимней одеждой, а может, выбросила сама. Барханы стали не такими высокими, ветра — не такими сильными. Я шла, черпая энергию из Потока. Наконец не стало сил даже для того, чтобы в него войти. Тогда просто поползла, зная, что, когда усну, меня засыплет песком и я больше не смогу выбраться. Или уже не проснусь...

Затем лежала, с трудом разлепив воспаленные веки, и смотрела в небо. Мысли путались, пропадали, атаковали вновь. В глубине души я жалела, что шанс на новую жизнь потратила так бездарно — ползла несколько дней по пустыне, пока жара и жажда не сделали свое дело.

На небе вновь появилась черная точка, росла, приближаясь. Вскоре я уже различала крылья и вытянутую темную голову. Хотелось заплакать от обиды, но слез не осталось, как и сил войти в Поток. Закрыла глаза, чтобы не видеть, как с каждым взмахом крыльев приближается гибель.

Хорошо, что скоро все закончится! Третью Тень просто не переживу. Хотя, нет, там какая-то другая тварь... Тени двигались беззвучно, а эта шумно приземлилась рядом. Под взмахами огромных крыльев взвился песок, засыпая меня мелким острым дождем.

Тяжелые шаги, скрип песка под мощными лапами. Тварь замерла совсем близко. Я чувствовала, как она склонилась надо мной, горячее дыхание обожгло кожу лица. Нет, так не пойдет! Хочу знать, кто меня сожрет!

Открыла глаза. Черт, не может быть! Рядом стоял... динозавр. Огромный, метра четыре в высоту, темный, почти черный, чешуя отливает металликком, как новый внедорожник мужа. Брюхо у меня над головой — более светлое, с подпалинами, темные глаза смотрят

внимательно, клыкастая пасть — совсем близко. Динозавр, подняв облако песка, взмахнул черными перепончатыми крыльями, а потом сложил их, плотно прижав к бокам.

— Здравствуй, птичка, — пробормотала я, чувствуя подступающее беспамятство, радуясь ему, словно старому доброму другу. Но прежде чем упасть в ласковые объятия бессознательного, заметила, как ящер посмотрел на меня удивленным умным взглядом. Наклонил голову — раздвоенный змеиный язык дотянулся до моего лица. На этом интересном месте пришла спасительная темнота и тишина.

Очнулась от того, что на меня лили теплую, пахнущую гнилью воду. О, ни с чем не сравнимое наслаждение! Ему проигрывали СПА-процедуры, турецкие бани и экзотические массажи вместе взятые. Я стонала от удовольствия, открывала рот, впитывая живительную влагу. Затем водные процедуры закончились. Меня грубо подняли и посадили, прислонив к холодной стене. Да, на навязчивый сервис косметического салона не похоже, зато я получила в руки огромную железную кружку. Не открывая глаз, жадно пила, чувствуя, как с каждым глотком прибавляются силы.

Раздался мужской голос, грубый, отрывистый. Я плеснула в лицо драгоценную влагу, смывая с глаз засохший песок и грязь. С трудом разлепила веки. Рыжебородый мужчина в темной одежде стоял рядом со мной и что-то говорил, показывая на кружку. Я вслушивалась в слова на неизвестном языке. Не понимаю... Пожала плечами.

Как я здесь очутилась? Последнее, что помню — меня собирался сожрать динозавр. Неужели спасли? Огляделась. Темное помещение, каменная кладка стен, спертый воздух с застарелым привкусом гнили. На стенах — факелы, вырывающие у темноты жалкие метры освещенного пространства. Я сидела на каменном возвышении, покрытом дурно пахнущей соломой. Да и сама я была определенно не первой свежести, и не второй тоже. Бородач опять что-то сказал, наверное, потребовал кружку. Я вцепилась в нее, словно грешник в последнюю индульгенцию.

— Дай напиться-то! — Голос скрипел, словно забитый песком подшипник. — Тебе жалко?

Рыжебородый грозно прикрикнул. Затем замахнулся и ударил по лицу. Вернее, хотел ударить. Бить меня нельзя. Лучше пристрелить издали, полезнее для здоровья. Уклонилась. Он стоял близко, что весьма неудачно для него, зато удобно для моей ноги в угробленных итальянских сапогах. В общем, заехала носком туда, где больно и обидно... Он взвыл, согнулся пополам и разразился проклятиями. Слова непонятные, но, судя по интонации, ничего хорошего мне не пожелали. Как неудачно вышло! Добрые люди спасли, напоили, а я сразу учинила потасовку из-за кружки...

Из темноты появились двое мужчин. Высокие, бородатые — здесь что, не бреются? — одетые в легкие кожаные доспехи, с кожаной перевязью на поясе, к которой крепились короткий меч и кинжал.

Я прижала кружку к груди и поползла в дальний угол. Мокрое платье липло к телу, холод подземелья пробирал до костей, зубы стучали все отчетливее. Может, это все же Африка и у меня началась туземная лихорадка? А мужики с мечами — ролевики? Играют во взятие Изенгарда, например. Сейчас подоспеют орки, завяжется настоящее веселье.

— Хей, — просипела в ответ на заданный вопрос. Высокий, заросший темной бородой по самые брови воин опять настойчиво что-то спрашивал.

— Я вас не понимаю... Но больше не буду, обещаю!

Рыжая борода наконец-то разогнулся. Бросил недобрый взгляд, рука скользнула на

рукоять кинжала. Мужчины молчали — похоже, размышляли, что со мной делать.

— Женщин не бьют! — на всякий случай напомнила я. Хотя, может, в мире Теней и летающих ящеров женщинами кормят крупный рогатый скот? Надеюсь, мне все же простят легкую неучтивость! Если не простят, то я вряд ли смогу долго сопротивляться. Трое вооруженных мужчин быстро порубят в капусту.

Скрип открываемой двери, шаги. Здесь что, собрание? Негромко переговариваясь, появились еще двое... Затем все почтительно расступились.

Честно признаюсь, я открыла рот и растеряла всю природную наглость. Такая красота не может существовать в природе и не имеет права разгуливать в светлой одежде по затхлым казематам! Ее надо запирать в стеклянном шкафу, чтобы лишь счастливая обладательница могла ежедневно сдувать пылинки, бормоча: «Мое!»

Я повидала много красивых мужчин в Москве: работа в кредитном отделе банка располагала к интересным знакомствам. В привычной среде обитания они разъезжали на машинах люкс-класса, играли в международный бизнес и вели несколько нервный образ жизни, который частенько компенсировался спиртными напитками, теннисом и горными лыжами в «Трех Долинах». Вошедший совсем на них не походил.

Он казался совершенным. Гладкое, чистое лицо, прямой нос, решительный, четко очерченный рот, длинные темные волосы, частью собранные на макушке в замысловатое плетение. Одет в светлую тунику и темные штаны. За поясом — оружие, как у остальных.

Мужчина подошел ближе, что-то отрывисто сказал пострадавшему рыжебородому. Тот покорно засунул кинжал в ножны и ушел в темноту. Отбывать трудовую повинность? А темноволосый — здешний начальник?

Он негромко расспрашивал остальных, продолжая рассматривать меня. Под его взглядом я чувствовала себя неуверенно. Прижалась к стене, подтянув колени к подбородку, одернула подол мокрого платья, понимая, что решается моя судьба. Наконец, незнакомец сел рядом и произнес что-то успокаивающее. На меня смотрели кажущиеся чернее ночи глаза. Мерцающий огонь факелов бросал странные демонические блики на идеальное лицо... Если он — демон, то, несомненно, самый прекрасный из них.

Покачала головой. Не понимаю! Смотрела на него, касаясь взглядом совершенных черт лица. Волевая линия подбородка, высокие скулы... Небольшой шрам на левой щеке. Хотела украдкой дотронуться до его рукава, но решила, что у меня слишком грязные руки. Боже, о чем я только думаю! Тут бы выжить, а не на мужчин засматриваться!

— Что, вода нужна? — переспросила я, разозлившись на себя. — Забирайте!

Но прежде сделала несколько глотков. Он схватил за руку, отобрал кружку, передал одному из воинов. Мурашки побежали по телу во все стороны, стартовав из места, где лежала его ладонь. Мужчина тем временем повернул мою кисть, рассматривая запястье и локтевую впадину.

Неужели думает, что я — наркоманка? А, впрочем, жаль, что не употребляю... Как только закончилось действие дозы, я бы очнулась в своей квартире, рядом с мужем. Еще немного посидела бы рядом... и домой!

Он начал говорить. Голос звучал мягко, успокаивающе. Одновременно я почувствовала, как пришел в движение Поток. Раньше такое мне доводилось видеть лишь в Москве, и то магические колебания напоминали лишь легкую рябь на поверхности воды. Здесь же энергетические волны под действием неведомой силы текли, прихотливо меняя направление, скручивались в мощный водоворот, устремляясь к груди мужчины. Вот это да!

Он вновь задал вопрос. Слова на неизвестном языке, попадая в сознание, превращались в знакомые картинки и образы... Разве такое возможно?

— Как тебя зовут?

Невероятно, но я его поняла. Вот она, настоящая магия!

— Марта...

— Марта!

От звука голоса, повторившего мое имя, мурашки вновь активизировались и дружно бросились врассыпную.

— Как ты оказалась в пустыне?

Я растерялась. Он повторил вопрос дважды. Рассказать, как грохнулась под колеса чертовой машины? И про сплошную мистику с фантастикой, что произошла дальше?.. Лучше не буду, пока не выясню, как здесь относятся к чужакам.

— Я заблудилась...

Знаю, тянет на первый приз в конкурсе идиотских ответов. Просто Маша и Медведь, только без леса и избушки. А медведь сидит напротив, размышляя, что со мной делать.

— Ты была одна?

Воспоминания о пустыне со мной делили Тени и динозавр. Первых я убила, последний собирался съесть, но передумал. Больше никого не встретила.

— Да, одна...

Он задумался. Я тоже размышляла о том, что меня ждет. Может, я нарушила законы этой страны — например, перешла границу в неположенном месте и в неподходящей одежде? Вон как смотрит! Уж точно победила в здешнем конкурсе мокрых маек из-за отсутствия соперниц.

— Три дня назад мы нашли караван, на который напали фоморы. Ты шла с ним?

Странное совпадение! Джип и переулочек были примерно в то же время. Может, знак? Бабушка учила, что судьба иногда дает намеки, и если научиться их замечать, то будет счастье. Насчет последнего не уверена, но на всякий случай кивнула.

— Как тебе удалось спастись?

— Не знаю. Наверное, просто повезло.

— Повезло, — согласился мужчина. — Мне очень жаль, — добавил он. — Ты должна знать, что из каравана никто не выжил.

Я решила все же заплакать и спрятала лицо в ладони. Ведь мужчина думает, что погибли мои товарищи! Мне было жаль людей, а еще больше — себя. Что за дикое место! Как вернуться обратно?

— У тебя есть куда пойти в Туиренне?

Покачала головой.

— Нет, но я справлюсь...

— Не сомневаюсь, раз смогла спастись от фоморов! Откуда ты родом, женщина?

Хотела сказать, что из Москвы, но ведь родилась-то я в Сибири...

— Из Юрги.

Прикусила язык. Ой, сначала же надо думать, затем говорить!

— Ирга... — задумчиво протянул он. — Ирга — это ведь в Улайде?.. Ты — северянка? Совсем не похожа на жителей Мунстера!

Я была согласна на все.

— Да-да, северянка...

— Далеко же забралась от своей страны! Ты знаешь, здесь неподходящее место для северянок.

Кто бы сомневался! Вообще-то, мне домой надо, в постель к мужу. Лежать, не вставая, с градусником под мышкой и жаропонижающим в стакане. Хотя можно и в Юргу, в квартирку, доставшуюся от родителей, что пустовала в ожидании моих редких визитов. А потом уже разберусь, как до Москвы добраться. Главное, чтобы выпустили из этих... застенков инквизиции. Уж очень место мне не понравилось!

— Как вернуться в Улайд? Здесь есть консульство? — Я облизала пересохшие губы. Меня кидало то в жар, то в холод, мысли путались. Наверное, температура приближалась к точке кипения. Зачем мне Улайд?..

— Консульство? — переспросил мужчина с легкой усмешкой. — Последнего вашего консула повесили на воротах год назад.

Вот так новость! Здесь что, война? Только этого мне не хватало!

— Каждую неделю на север уходят торговые караваны, — продолжал мужчина. — Думаю, за соответствующую плату тебя возьмут с собой.

Задумалась. Почему бы не отправиться с караваном на север?.. А там разберусь, что за Ирга на новообретенной родине! Осталось обзавестись деньгами. Кошелек с кредитными карточками пропал в пустыне вместе с рюкзаком. Хотя все равно банкоматов вокруг не видно.

— Возьми, этого должно хватить! — он отцепил от пояса небольшой мешочек. Я поймала на лету.

Под грубой, крепкой тканью перекатывались железные кругляшки. Наверное, монеты... Вот, впервые подали из жалости!

— Спасибо!

Он кивнул. Поднялся.

— Я могу... узнать твое имя?

— Райвен Маккалахер, — ответил он.

— Лорд Райвен Маккалахер, — поправил стоящий рядом бородач. В голосе слышалось обожание. Местное божество встало и что-то приказало воинам. Те почтительно кивнули.

— Я должен идти, — произнес мужчина, коротко поклонился и ушел в темноту. Скрип двери, затихающие звуки шагов. И все!.. Даже не оглянулся.

— Ну, и что уставились? — расстроившись окончательно, сказала я стражникам. — Делиться не буду! Мне в Улайд надо...

Один из мужчин заговорил со мной медленно и проникновенно, наверное, надеясь, что такая речь стимулирует понимание. Мне казалось, я различаю отдельные слова. Наверное, память, усиленная Потоксом, старалась помочь.

Вернулся рыжебородый и кинул грязный ком с тряпьем. Под ухмылки мужчин достала платье из серого домотканого полотна со множеством пуговиц по переду. Оно казалось огромным, размера на три больше, чем нужно.

— Отвернитесь! — приказала я на русском, но меня поняли. Дружно заржали в ответ. В другой раз, в другой жизни я бы объяснила, что так обращаться с женщинами вредно для здоровья. А сейчас просто хотелось переодеться в сухое тряпье, пусть и чужое. Прижалась спиной к стене, стала стягивать когда-то дорогой итальянский трикотаж. Заинтересованные взгляды, шарящие по телу, вгоняли в дрожь.

Говорят, как Новый год встретишь, так и проведешь... Относится ли это к языкам?

— Убью! — прошипела я первое слово чужого мира, услужливо подсказанное Потокком.

Райвен Маккалахер

— Она пришла в себя, мой лорд!

Райвен Маккалахер пожал плечами. Быстро! Впрочем, это не его дело. Здесь, в забытом Богами городе, у него дел нет, лишь обязательства, которые на сегодня он выполнил.

Райвен мечтал снять оружие и одежду, смыть песок и мелкую пыль, что, казалось, пропитала насквозь, а иногда заставляла мучительно кашлять после очередной вылазки в пустыню. Затем окунуться в огромную ванну, наполненную до краев горячей водой, и лежать долго-долго, пока не смоются запахи и грязь города. Но в Туиренне вода — богатство, много воды — непозволительная роскошь.

— Она сказала, что делала в пустыне? — спросил он у Сэба.

— Нет, — пожилой десятник покачал головой. — Девчонка, похоже, не понимает нашего языка. Мой лорд, не могли бы вы... поприсутствовать?

Райвен пожал плечами. Вообще-то не его дело — присутствовать. Но интересно, что за птицу он подобрал в пустыне.

— О, Лугх Светоносный! Хорошо, пойдем!

Бросил тоскливый взгляд на комнату. Хоть в его распоряжении был особняк в центре Туиренна, он предпочитал жить в цитадели. Крохотное помещение прослужило ему домом три месяца, еще осталось столько же, после чего можно будет вернуться на родину, в Нуадреанн.

Он тосковал по своей стране. Хоть распахнутое окно и манило обманчивой свежестью наступающего вечера, но ему так не хватало прибрежного ветра с горьковатым запахом морской соли. Перед тем, как отправиться на службу, Райвен построил дом недалеко от Эйдоса, столицы Нуадреанна, на скале у Великого моря, что омывало извилистые, изрезанные фьордами берега его страны. Райвен мечтал каждое утро видеть беспокойные волны, что бушевали внизу, вгрызаясь в темную плоть скалы, а вместо этого уже несколько месяцев дышал пыльным воздухом цитадели.

Он вышел из комнаты вслед за Сэбом, про себя отметив, что пожилой воин сильнее, чем обычно, прихрамывает на правую ногу. Похоже, поврежденное колено давало о себе знать. Надо взглянуть! Целительная магия хорошо ему поддавалась, к тому же он испытывал симпатию к Сэбу. Но разве возможна дружба между сыновьями Богини Дану и людьми?

— Как она? — спросил Райвен, вспомнив о девушке.

— Шустрая, — усмехнулся Сэб.

Райвен нашел ее в сердце пустыни. Не только место казалось неправильным, но и одежда. И то, что она оказалась жива, хотя уже стояла на Краю. Опоздай он немного, и, пожалуй, ушла бы в Иной Мир, ведь жизнь едва теплилась в хрупком теле.

Что завело ее так далеко от стен города, в сторону от торговых путей, столь близко к месту, где проходила Грань Миров? Перебежчица? Вряд ли. Если мужчины могли стать одними из Темных, то женщины... Все знали, что делала нежить с женщинами! Райвен вздрогнул. Он видел, но мечтал забыть. Последнее нападение было на караван три дня назад. Двадцать мертвых тел, выпитых фоморами досуха, и повозки, разграбленные их слугами. Они ушли за Грань раньше, чем подоспел отряд из Туиренна. Но, быть может, в этот раз одной удалось спастись?

Они спустились по щербатым, едва освещенным ступеням вниз, в подземелье.

— Что здесь происходит? — строго спросил он, увидев, как рыжий Гилла нервно сжимает в руке кинжал.

— Девка нарывается, — ответил тот. Запнулся, увидев, кто перед ним: — Простите, мой лорд!

Рыжий убрал кинжал за пояс. Райвен подумал, что, похоже, испортил детинушке развлечение. В другое время и в другом месте тот был бы наказан. Но не здесь, не в этом проклятом городе, где оставалось служить лишь три месяца и где от его решений мало что зависело.

— Чтобы я тебя здесь не видел! — рявкнул он на рыжего. — Хотя нет, найди ей сухую одежду.

Девушка сидела, вжавшись в стену, с кружкой воды в руках. Ее заметно била дрожь. На колени, едва прикрытые коротким платьем, спадали светлые волосы.

— Она много выпила? — спросил Райвен у остальных воинов, имен которых не помнил.

— Нет, но пить ей нельзя. Помрет же! — ответил чернобородый. — Гилла хотел отобрать, но... Его гордость пострадала.

Они дружно заржали. Райвен присел рядом с девушкой. Та смотрела удивленно, глаза казались огромными и черными в мерцающем свете факелов.

— Не бойся, — произнес он. — Обещаю, никто не причинит тебе вреда!

Она покачала головой, что-то ответила.

— Я не понимаю, — вздохнул Райвен. — И откуда ты такая взялась? Но кружку придется отдать...

Он взял ее за руку — кожа мягкая, нежная... Девушка походила на женщин его народа, но была человеком. К тому же ни одна из дочерей Нуадреанна не надела бы такую одежду. Светлое короткое платье обтягивало фигуру, оставляя открытыми ноги, хотя незнакомка старательно тянула подол вниз. Взгляд побежал выше, остановившись на груди. Райвен качнул головой, отгоняя непрошенные мысли. Не о том он думает!

Отвернув рукав, повернул руку девушки ладонью вверх. Знака Гильдии не было. Значит, либо из благородных, либо... еще не получила метку. Ну ничего, сейчас расскажет. Мысленно призвал магию тех, в чьих венах текла Кровь Богини Дану.

Северянку звали Марта. Красивое, сильное имя! Как он и думал, девушка шла с караваном и лишь чудом избежала гибели. Хотя чудес не бывает — все в их мирах предрешено Богами. Здесьние Боги оказались к ней более чем благосклонны. К тому же северянке повезло, что Мунстер и Улайд заключили перемирие. Не к лицу славным сыновьям Эирианна резать друг друга, когда фоморы лезут сплошной стеной! Но оставаться одной в этом городе девушке было опасно, потому он и дал ей денег, которых вполне хватит, чтоб добраться до дома. Что ж, обязательства свои он исполнил — больше здесь делать нечего! У северянки своя дорога. Хотя... Райвену вдруг захотелось, чтобы с девушкой все было в порядке и больше не пришлось бы в одной из разведывательных вылазок наткнуться на хрупкое безжизненное тело посреди пустыни.

Он повернулся к Сэбу.

— Дайте ей что-нибудь из одежды и накормите! И еще — пусть кто-нибудь проводит до торговых рядов и поможет найти караван до Улайда.

Он коротко кивнул и вышел, чувствуя взгляд девушки, заставляя себя не оборачиваться. Все же жаль, что они больше не увидятся.

Рыжебородый открыл узкую дверь каменной башни. Дневной свет до боли резанул глаза, заставляя прищуриться, пока я привыкала к послеобеденному солнцу. Провожатый стащил меня по ступеням вниз во внутренний двор цитадели, затем поволол по каменной дороге к виднеющимся впереди деревянным воротам. Грубые мужские пальцы впились в предплечье, я едва успевала переставлять ноги, подстраиваясь под быстрый шаг, сжимая в руке мокрый ком, что когда-то был любимым платьем. Иногда мужчина что-то зло и презрительно бормотал сквозь зубы. Судя по тону, в конце пути ничего хорошего меня не ждало.

Мы шли через тренировочное поле, где обнаженные по пояс воины-мечники отрабатывали приемы боя. Лязгу оружия вторили громкие выкрики. Некоторые сражались попарно, некоторые умельцы отбивались сразу от нескольких противников. В низких бочках стояло разномастное оружие: те же самые мечи, длинные и короткие, копья, шесты. Вдоль стен пестрели разноцветными орнаментами большие овальные щиты, по соседству с ними стояли щиты поменьше, круглые, окованные железом. Мы прошли мимо группы мужчин, что целилась из арбалетов в мишени на дальней стене. Определенно, не лучшее место для побега... Хотя я бы прихватила что-нибудь из оружия, например короткий меч из ближайшей бочки.

Размечталась! Если уж бежать, то быстро и с тем, что есть. Все скромные пожитки при мне. Деньги, поданные из жалости, лежали в бюстгальтере. Левая грудь призывно топорщилась под грубой тканью платья, правая консервативно придерживалась привычного первого размера. Ужасное платье, что выдали в подземелье, отравляло и без того нелегкое существование: ткань натирала обгоревшую кожу шеи и спины, ноги то и дело путались в длинном подоле.

Едва ли не каждый из встречных мужчин — крепких, увешанных оружием, как деревья плодами, — считал своим долгом что-нибудь сказать рыжебородому. Судя по тону, высказывания были крайне скабрзные. В ответ мой провожатый либо угрюмо отшучивался, либо заливался глухим, словно из бочки, смехом. Я висела на конвоире, будто силы мои закончились вместе с запасом наглости, и мечтала о побеге.

Вот и ворота, тяжелые, деревянные, обитые железом. Рыжебородый прибавил шаг, я семенила рядом, спотыкаясь о камни мостовой. Когда-то, в прошлой жизни, мы с мужем ездили в Прагу и Будапешт. И теперь неровная кладка будила воспоминания о мощенных булыжником узких улочках европейских городов.

Мы вышли на большую улицу. Вдоль нее тянулись ряды добротных каменных домов в два, а то и три этажа. Застекленные окна, резные узоры на парадных дверях. Куда я попала? Люди вокруг — преимущественно темноволосые, черноглазые, в пестрой одежде. Симпатичные девушки в разноцветных платьях кокетничали с мужчинами в длинных рубашках, важно шествовали строгие матроны с детьми, проезжали вооруженные всадники, тащились груженные товарами повозки. И со всех сторон — незнакомая речь.

Рыжебородый резко дернул меня за руку и потащил дальше. Вскоре жилые дома сменили амбарного вида постройки, движение на улице стало более оживленным. На нас никто не обращал внимания. Конечно, кому какое дело до здорового бугая, который тащит куда-то беззащитную девушку. Меня то есть. В принципе — никому, кроме самой

девушки!

Дернула мужика в сторону, сбивая с шага, выводя из равновесия. Привычным движением освободилась от захвата, перехватила за кисть, шагнула назад и вправо, одновременно выкрутив его руку в противоположную сторону. Учитель любил айкидо, заставляя нас из года в год отрабатывать простые, но действенные приемы. Рыжеволосый хрюкнул от удивления и отправился в полет, тяжело упал, приложившись головой о мостовую. Оружие громко звякнуло о камень.

Я держала его руку в болевом захвате. Дернется — сломаю! Жаль, не дернулся... Правой рукой выхватила кинжал, приставила к его горлу.

— Ты сдохнешь! — прошипела в суженные от ненависти глаза. — Но не сегодня!

Огляделась. Наша живописная композиция «женщина сверху» уже привлекала внимание. Несколько мужчин замерли неподалеку, похоже, размышляя, вмешаться или нет. Я спрятала кинжал в скомканное платье и рванулась вперед. Рыжебородый дернулся следом, вцепился в подол. Что-то жалобно треснуло где-то в районе талии, но мне удалось выскользнуть.

Затем я бежала, не оглядываясь. Раз-два — вдох; три-четыре — выдох... Первое время путалась в подоле, потом перестала обращать на него внимание. Бежала, не зная, насколько хватит сил и когда меня остановит грубая рука. Первое время слышала топот за спиной. Несколько мужчин попытались меня схватить, но я увернулась от расставленных рук — и все потому, что была в своей стихии! Дыхание и мышцы быстро вошли в привычный ритм. Слабость, озноб и боль от обгоревшей кожи, которой касалась грубая материя, отступили. Лихорадочный дурман, вольготно расположившийся в голове, затаился где-то глубоко, чтобы вернуться за мной позднее.

Я бежала, словно вновь оказалась в спортзале недалеко от дома, где каждый день привычным движением набирала на тренажере «5 км» и запускала черную ленту дорожки. И по ней убегала прочь от тоски по прежней жизни, в которой все понятно и знакомо, где еще живы родители, а по вечерам ждет Учитель и ребята в маленьком зале с зеркальной стеной. И где Марек только мой!..

Я бежала, чтобы прогнать ноющую боль в мышцах, привычных к запредельным нагрузкам. Бежала, потому что терялась в столичной суете, где должна бы быть счастливой, но не смогла... После кросса шла тягать железо, затем — к большой кожаной груше в углу зала. Десять подходов: кулаки, локти, «лапа тигра» — удар раскрытой кистью... Затем — ноги. Первое время на меня пялились, потом — привыкли. Нас, маньяков, что ходили в тренажерный зал с шести до семи утра, не так уж и много.

Я продолжала бег, хотя давно не слышала топота ног позади. Каменная мостовая сменилась утоптанной земляными дорожками, покрытыми светло-серой пылью. Дома становились меньше, беднее, криво лепились друг к другу. Лишь некоторые гордо отгораживались от соседей небольшими палисадниками. Затем пошли ремесленные кварталы. Мимо промелькнули пекарни, кузницы, гончарные мастерские... Свернула к мутной мелкой речке и долго бежала по грязному песчаному берегу. Перепрыгивала через сточные канавы, вдыхая зловонные миазмы полуразложившегося городского мусора и отходов. Повернула я обратно в город, лишь заметив впереди мост с вооруженной охраной. Но все бежала и бежала, потому что боялась остановиться и упасть. Боялась, что город с его непривычными запахами, зловоньем сточных канав, покосившимися изгородями глиняных кособоких домов, кварталами роскошных каменных вилл — этот чужой город чужого мира

поглотит меня. Я растворюсь в нем и больше не смогу себя найти. Но силы заканчивались, разноцветная мгла застилала глаза.

В бедном квартале с кривоватыми домами и черными дырами в стенах вместо дверей я долго петляла по извилистым улочкам, пока окончательно не остановилась, тяжело дыша. Путь преграждала каменная стена. Тупик! Забилась в угол, прислонившись спиной к стене. Сползла вниз, чувствуя все шероховатости старой каменной кладки. Упала и заснула, а может, потеряла сознание...

Очнулась от ощущения, что на меня кто-то смотрит. Потом что-то холодное и влажное коснулось руки. Открыла глаза — худой облезлый пес нервно обнюхивал мои руки.

— Эй! Ты чей? — прошептала я, чувствуя, как пересохло во рту. Воды бы...

Пес отшатнулся, покосился боязливо, поджал хвост и побрел прочь. Я кое-как встала, не чувствуя ног. Надо же, платье и кинжал еще со мной! Не потеряла. Дотронулась до груди — заветный мешочек тоже на месте. Подхватив с земли нехитрые пожитки, потащилась вслед за псом.

Кружилась голова. Я шла среди домов и людей. Запахи и звуки проходили словно насквозь, не вызывая ответной реакции. Не было сил даже прямо держать голову, смотреть вперед... Я брела, вглядываясь в пыльные узоры на дороге, видя лишь ноги людей, что проходили мимо: добротную кожаную обувь, рваные сандалии, грубые чеботы, изящные туфельки...

Собака куда-то пропала. Гомон толпы нарастал, людей на улице становилось все больше. Бессчетное количество ног казалось конечностями огромной тысяченожки. Ноги хаотично двигались в разные стороны, сводя меня с ума... Откуда-то издалека пахло едой.

Хорошо бы купить что-нибудь поесть... А если рыжебородый с товарищами ждет меня именно на рынке, среди нагруженных телег, лотков с едой и прилавков с товарами ремесленников? Мне уже было все равно.

До рынка я так и не дошла, потому что оказалась на большой площади, полной народа. Огромное каменное здание с колоннадой, взмывающее ввысь в начинающее вечереть небо. К нему вели широкие мраморные ступени. Дальше идти не было сил. Опустилась рядом с оборванными созданиями, которые просили милостыню. Усмехнулась. Вот мое место! К тому же и первый опыт есть — уже подали... Легла на ступеньку, закрыла глаза. Пусть все закончится...

Рядом раздался приятный голос, задающий непонятный вопрос на чужом языке. Дали бы умереть спокойно! Открыла глаза. Надо мной склонилась голова... нет, не динозавра! Пожилая женщина. Смуглая, светловолосая, вокруг блеклых, словно выгоревших голубых глаз — морщинки. Она улыбнулась — половины зубов во рту не хватало... Я снова закрыла глаза. Хочу домой!

Губ коснулся какой-то предмет... Вода! Жадно сделав несколько глотков, поблагодарила женщину.

— Спасибо.

Она отломил кусок хлеба от большой серой краюхи, протянула мне. Я тут же вгрызлась в успевшую подсохнуть мякоть.

Женщина опять что-то спросила. Я покачала головой, жадно поедая хлеб. Неужели в этом мире я вызываю жалость? Хотя... Пусть жалеют, лишь бы кормили!

— Не понимаю, — отвечала на все вопросы. Хотя нет, один уже слышала совсем недавно!

— Улайд, — устало ответила я. — Ирга!

Внезапно желудок скрутило страшной болью, и я, застонав, согнулась пополам. Потом меня куда-то волокли. Я металась, бредила, стонала от боли. Мне то лили в рот мерзкую вонючую отраву, от которой почему-то становилось легче, то кто-то клал на голову прохладную ладонь, из которой словно лилась раскаленная лава, выжигая мозг...

Потом я очнулась окончательно. Мир уже не распадался на части, все больше и больше обретая четкие контуры. Я лежала на жесткой лежанке, застеленной каким-то тряпьем, укрытая чем-то тяжелым и грубым. Наверное, шкурой какого-то животного. Похоже, была ночь.

Пошевелилась, попыталась сесть. Тело не слушалось, словно неведомые кровопийцы высосали из него последние силы. Кое-как согнула руку, оперлась на локоть и, оттолкнувшись от лежанки, со стоном села. Огляделась: где я? Каменные стены небольшой комнаты, низкий потолок, в углу — слабый мерцающий источник света. Я сидела на полу на гряде тряпья рядом с тлеющим очагом. В помещении слегка пахло дымом и... хлебом.

— Очнулась? — послышался знакомый голос из дальнего угла. Женщина приблизилась, держа в руке глиняную плошку, внутри которой мерцал огонек. Села рядом. При слабом свете старческие морщины на лице залегли еще глубже, голубые глаза казались чернее ночи. — Значит, будешь жить. Пить хочешь?

— Хочу! — ответила я, облизав пересохшие губы.

Что-о? Я не только понимала чужую речь, но еще и могла отвечать на незнакомом языке! Как такое возможно?

— Почему я говорю на вашем языке? — пробормотала я. Женщина вернулась из дальнего угла с глиняной кружкой в руках.

— Держи...

— Вы берете воду из реки? — растерялась я. Она кивнула. О, боже! Видела я эту реку! И зловонные сточные канавы видела, и городские отбросы, которые смывают мутные речные волны...

— Друид из храма Бригиты сказал, что ты должна много пить, когда очнешься. Если очнешься...

Зажмурившись, сделала несколько глотков. Вода оказалась на удивление приятной на вкус, разогнала ватную муть в голове, возвращая силы.

— Ты не говорила на нашем языке, — произнесла пожилая женщина. — Целитель из друидов решил помочь. Правда, это довольно болезненно, но ты все равно была без сознания...

— Он клал мне руки на голову?

Женщина кивнула. Я вспомнила кошмар, преследовавший меня в бреду: прикосновение холодных ладоней и текущий из них поток раскаленной лавы, сжигающий сознание. Хочу посмотреть на этого «целителя из друидов»! Я уж поделилась бы с ним своими мыслями о его методике обучения иностранным языкам!

— Спасибо, — пробормотала я. — Ты спасла меня...

Она опять кивнула, морщинистое лицо тронула улыбка.

— Как тебя зовут, деточка?

— Марта!

— Сильное имя! Можешь звать меня Ниссой. Мамой Ниссой.

— Нисса, — пробормотала я, пробуя незнакомое имя на вкус. — Спасибо, мама Нисса!

Сколько я болела?

— Четыре дня, — ответила она. — У тебя была пустынная лихорадка... Мало кто выживает без помощи целительной магии друидов. Вот, тебе еще оставили лекарство...

Мама Нисса поднялась и вернулась с еще одной плошкой, в которой плескалась черная густая жидкость. Я взяла ее в руки и подозрительно понюхала. Фу, гадость! Сделала глоток. Да, обоняние не подвело, и впрямь отвратительно.

— Мне бы... выйти, — призналась я. — Где здесь... — смутилась. Ну да, естественные потребности никто не отменял.

— Отхожее место? За домом, сейчас отведу тебя!

— Я сама! — Попыталась подняться самостоятельно, но Нисса уже пришла на помощь. У пожилой женщины оказались на удивление крепкие руки. Навалившись на них всем телом, словно пациент, только что переживший рецидив, я ковыляла к выходу, путаясь в подоле знакомого платья. Внезапно в голове промелькнула мысль, и я провела рукой по груди, где в чашечке грязного бюстгалтера из тонких итальянских кружев хранила свое сокровище. Заветного мешочка не было!

— У меня были деньги, — пролепетала я.

А может, ничего и не было? Все приснилось: и безумно красивый мужчина с высокомерным лицом, и рыжебородый, которого я изваляла в пыли на мостовой? И бешеная гонка по улицам чужого города, когда я убегала от самой себя?..

— Друиды дорого берут за лечение, — ответила Нисса. — Пришлось заплатить, иначе ты была бы в Ином Мире...

Знакомое, почти родное место!..

— Но я верну, что осталось... — продолжила Нисса.

— Спасибо! — прошептала я, чувствуя, как слезы подступают к глазам. Разве такое возможно? Кому я нужна, чтобы вот так... лечить, поить, таскать на себе?

— Почему ты помогаешь мне? — спросила я, когда Нисса, откинув полог из грубой ткани, служащий дверью, вывела меня на улицу.

— Ты очень похожа на мою дочь Эиринн, — просто ответила она.

Когда мы вернулись в дом, Нисса помогла мне лечь около очага, и я почувствовала, что продрогла. Оказывается, ночь-то была прохладной, с ветром, насквозь продувавшим тонкое платье. Нисса накинула на меня тяжелое грубое одеяло из шкуры крупного животного. Я согрелась, глаза тут же начали слипаться, и я стала проваливаться в мир сновидений.

— Что случилось с твоей дочерью? — пробормотала я уже сквозь сонный дурман. — Где она?

— Эиринн умерла. Ей было тринадцать, — ответила Нисса.

— Прости, — прошептала я.

Нисса покачала головой, улыбнулась и легонько коснулась моего плеча. Слезы привычно набежали на глаза, отозвавшись на чужую мимолетную ласку.

— Спи, тебе надо набираться сил!

Она потушила огонь в плошке, вздыхая, завопилась на своем ложе по другую сторону очага. Но я уже спала.

Проснулась от легкого прикосновения, открыла глаза. Надо мной склонилась — слава богу! — Нисса. Когда уже перестанут чудиться монстры? На улице занимался новый день, свет проникал сквозь прорехи полога на входе.

— Доброе утро! — женщина села рядом. — Мне скоро уходить, поэтому я решила

разбудить тебя...

— Д-да, конечно, — ответила я, поднимаясь. Тело слушалось, хоть я и чувствовала полнейший упадок сил. Огляделась, пытаюсь понять, куда же я попала, так как вчера многого разглядеть не удалось.

Я сидела на земляном полу небольшой прямоугольной комнатки, прислонившись к неровной каменной стене, хранящей едва заметные следы побелки. Несколько поленьев горело в очаге, дым поднимался наверх и уходил в дыру на крыше. Тряпье на полу служило постелями мне и Ниссе. В дальнем углу на грубо сколоченном столе стояла глиняная посуда и несколько кувшинов. Еще из обстановки присутствовала длинная лавка, за ней — большой, окованный железом сундук. В похожем моя прабабка хранила семейные реликвии: свое свадебное платье, парадную форму моего прадеда, сгинувшего в жерновах Первой мировой, праздничные покрывала и наволочки, что доставались лишь в редких случаях, невероятных красок расписной платок, который она надевала на Пасху...

— Сегодня праздник Имболк^[1], — тем временем рассказывала Нисса. — Мне надо в город успеть пораньше, место занять! Я-то всегда у храма Бригиты сижу, но сегодня там все наши соберутся, даже те, кто у храма Лугха и Дагды милостыню просят. Толчея будет страшная, ведь народу-то сколько придет! Не только городские, но и со всех окрестных деревень...

— А что за праздник? — осторожно спросила я. Нисса посмотрела подозрительно, затем тяжело вздохнула, словно мать несмышленного ребенка. Ну что со мной делать, не убивать же?!

— Праздник выздоровления богини Бригиты, — поучительно ответила женщина. — Еще осенью, в Самхайн, она отдала свои силы Богу Дагде, чтобы помочь ему возродиться... Потом долго отдыхала в Земле Духов, а сегодня возвращается из тьмы к нам...

Я тоже отдала все силы, пытаюсь осмыслить сказанное...

— Хороший день, чтобы заработать! — продолжала Нисса. — Люди, что идут в храм Бригиты, в этот день хорошо подают! Бывает, не только медные фартинги кидают, но даже и серебряные халфинги...

В тонкостях ремесла мамы Ниссы я не разбиралась, как и в денежных знаках этого мира. Согласно покивала головой. Интересно, сколько халфингов-фартингов было в заветном мешочке?

Женщина тем временем поднялась, затем вернулась, протянула кружку с молоком.

— Позавтракаем вместе?

Я кивнула. На большой тарелке, что Нисса держала на коленях, лежали куски хлеба и сыра.

— Сегодня будем пить и есть молочное во славу Возрожденной Девы! Еще можно есть мясо птицы. Когда я вернусь, мы вычистим дом и постираем одежду... И обязательно надо вымыть волосы. — Нисса с довольным видом рассказывала о праздничных ритуалах во славу Богини Бригиты. Я согласно кивнула. Вымыть волосы и постирать одежду? С радостью!.. Уже люблю праздник Имболк!

— Спасибо! Даже не знаю, как отблагодарить тебя, Нисса.

Она покачала головой.

— Моя дочь умерла от пустынной лихорадки. Я долго просила Богиню-Мать подарить успокоение моему сердцу. Много лет она была глуха к моим молитвам, а потом появилась ты, так похожая на Эиринн...

Мне было жаль разочаровывать добрую женщину — тот еще из меня подарочек! Да и оставаться в городе я не собиралась. Мне в Улайд надо, искать местную Иргу.

— Не переживай, — улыбнулась Нисса. — Побольше лежи, тебе надо набираться сил... Да, и не забудь выпить лекарство! Можешь выйти на улицу, но не уходи далеко. В Квартале Нищих будешь в безопасности, а если кто спросит, скажи, что ты моя дочь.

Я нерешительно кивнула.

— Захочешь, сходи на реку, но только не в город! Тебя ищут. Ты знаешь?..

Сердце забилось чаще. Неужели есть надежда?.. Но кто будет искать меня здесь, в чужом мире?

— Ищут? — переспросила я. — А кто?..

— Городская стража! Похоже, кого-то ты здорово разозлила! Что ты натворила, Марта? — строго спросила Нисса. Совсем как мама, когда ее вызывали в школу пообщаться с директором. О моем поведении слагали легенды... Да ничего такого! Подумаешь, разбила на спор окно, выпрыгнула из окна кабинета на втором этаже, залезла по водосточной трубе на крышу школы, подралась со старшеклассниками. Им еще повезло — отделались синяками без переломов и сотрясений.

Как же давно это было!

— Ничего такого, — пробормотала я. — Украла у одного рыжего воина кинжал... Зачем ему так много оружия? Меч же я оставила...

— Марта, Марта, — вздохнула Нисса. — Никогда не связывайся с воинами! Если задета их гордость, они из шкуры выпрыгнут, чтобы наказать обидчика! Ты знаешь, что с тобой сделают?

Не знаю, но догадываюсь. Сальные взгляды рыжебородого намекали на увлекательное путешествие в мир жесткого секса. Или здесь за кражу головы рубят?

— Ну да, глупо получилось, — пробормотала я.

— Ладно, что-нибудь придумаем, — успокоила Нисса.

Мы доели завтрак, и женщина ушла. Я осталась одна. Может, если долго щипать себя за руку, я все же очнусь в собственной квартире на тихой московской улочке с видом на сверкающие под солнцем купола, а не на раскаленные угли в очаге мамы Ниссы?

Отчаяние накатило холодной волной атмосферного фронта, принесся осадки в виде слез. Я сидела на земляном полу и некрасиво рыдала, грязными ладонями размазывая по лицу слезы. Почему я попала в эту жуткую дыру? Неужели сотворила нечто настолько ужасное, что заслужила подобное наказание? Эй вы, боги или демоны, что дали мне второй шанс, — заберите его обратно! Домой хочу, под знакомые колеса с резными протекторами зимних шин, в холодный зимний переулочек... Завыла диким волком от собственного бессилия. Да пропади она пропадом, эта новая жизнь!

Выплакавшись, я почувствовала себя лучше. Хотя и жутко разболелась голова, зато пропала свинцовая тяжесть, обручем давившая на грудь. Видимо, покинула организм со слезами. Я несколько раз вдохнула, разгоняя следы постыдной истерики. Вспомнила слова Учителя, которые он часто повторял перед соревнованиями: «Гнев, страх и ненависть убивают разум, лишают концентрации и способности четко мыслить. Контролируйте эмоции, изучайте противника! Определите его сильные стороны. Если он слишком хорош для вас, то подстраивайтесь и ждите. Он обязательно откроется, обнаружит свою слабость! Тогда будьте готовы нанести удар».

Слышишь, проклятый мир! Я собираюсь выиграть эту битву! Буду жить по твоим законам, пить воду из мутной реки и учиться уважать воинов. И ждать! А когда ты откроешься — нанесу удар. Потом мы сыграем заново, но уже по моим правилам!

Решительно поднялась с пола и отправилась осматривать жилище. Нашла запасы еды: несколько буханок черного хлеба, вяленое мясо, сыр, каштаны, остатки овощей в одном из горшков, кучку подпорченных яблок в глиняном тазу, кувшины с молоком и водой. Еще наткнулась на несколько горшков с подозрительными жидкостями. Принюхалась: пахло скверно, вряд ли там что-то съедобное. Прошлась по дому. В сундук не полезла, хоть меня и разбирало любопытство. Нашла в углу нечто отдаленно похожее на веник из грубых веток, перевязанных веревкой. Пожалуй, начну уборку во славу Возрожденной Девы!

Перетряхнула тряпье, долго мела пол, собрав у входа приличную кучу мусора. Задумалась, куда бы его выкинуть? Совок не нашла, сгребла в отвратительную по виду тряпку и, воровато выглянув на улицу — не смотрят ли соседи? — вытряхнула за углом, поближе к отхожему месту. Вымыла тряпку в глиняном корыте, налив воды из кувшина. Вытерла пыль, расставила посуду в ровную линию на столе. Вдохнула, поставила все как было. Вдруг маме Ниссе не понравится, что я хозяйничаю в ее доме?

Потом выпила лекарство, предварительно зажав нос пальцами. Лечиться, так лечиться! Подхватила два пустых кувшина и вышла на улицу, решив набрать воды, чтобы постирать одежду и помыться.

По дороге размышляла о сложностях ведения хозяйства в отсутствие водопровода, газовой плиты и мусорных контейнеров. Средневековая хозяйка из меня не то чтобы плохая, а вообще никакая! Наверное, все сделала не так — не туда мусор выкинула, не ту тряпку брала, не с теми кувшинами за водой пошла... Но совета-то спросить не у кого.

На улице давно разыгрался день, прогнав утреннюю туманную дымку. В чистом небе вовсю жарило солнце, я сразу же вспотела в темном платье с длинными рукавами. Вдалеке виднелся поросший деревьями холм, за ним — зубцы крепостной стены, а дальше угадывались пики горной гряды. Оказывается, я шла, а потом ползла в правильном

направлении, город и в самом деле расположился у подножия горы.

Блестящая гладь реки проглядывала в просветах между покосившимися каменными домами. Многие из них оказались полуразрушенными, с зияющими провалами в стенах и дырами на месте крыш, словно здесь случилось землетрясение как минимум баллов в восемь по шкале Рихтера. Но почти в каждом из домов жили люди: на заборах сушилось тряпье, в дырах в стенах угадывались очертания деревянной мебели и очагов, дверные проемы были завешаны грубыми пологам.

Из взрослых я никого не встретила. Может, ушли в город на заработки или же в честь праздника решили почтить богиню Бригиту. Стайка полуголой ребятни выскочила из разрушенного дома и с визгом скрылась за углом соседнего, не обратив на меня никакого внимания. Я проводила их взглядом и отправилась дальше.

— А я знаю, кто ты! — заявила рыжая веснушчатая девочка лет восьми, выглянув из-за покосившейся изгороди. Я улыбнулась в ответ и поманила ее рукой.

— И кто же? Иди сюда, оттуда разговаривать неудобно...

Девочка приблизилась. Она была одета в рваную рубаху, едва прикрывающую худые коленки. Пышная грива волос, рассыпавшись по плечам, то и дело падала на лицо, заставляя девочку нетерпеливо убирать рыжие пряди за уши.

— Ты — дочь мамы Ниссы! Эиринн! — Я кивнула. Похоже, каждый зовет меня на свое усмотрение, муж — Марусей, в чужом мире — Эиринн.

— А как твое имя?

— Мера! Меня так папа назвал в честь дочери бога Диан Кехта!

— Очень красиво, — осторожно согласилась я. Интересно, что это за бог такой?

Девочка согласно кивнула.

— Мама Нисса о тебе рассказывала! Она всем много-много раз рассказывала! Хорошо, что ты вернулась, она очень скучала. Ты ведь больше не уедешь?

Я пожала плечами и произнесла:

— На все воля Богов! — и посмотрела на девочку: не сморозила ли глупость. Но Мера согласно кивнула.

— Я каждый вечер молюсь Богине-Матери, — глубокомысленно заявила она. — Прошу, чтобы я поскорее выросла и стала такой же красивой... Ну, как ты, например! Тогда мальчишки не будут обижать!

Я вздохнула и решила переменить тему. По опыту знала: мужской интерес приносил больше проблем, чем его отсутствие.

— Пойдем со мной за водой?

Девочка кивнула.

— Не могла бы ты мне помочь? Я многое забыла, пока жила в другом месте. Чем вымоешь голову?

Крайне насущный вопрос, кстати. Можно сказать, животрепещущий.

— Голову? — Мера поморщилась — Черной гадкой грязью, ее из золы делают! Щелок называется... Мама заставляет мыться каждую неделю! Кошмар, правда? Вечером опять придется, а вода холодная, — пожаловалась она.

Я пожала плечами. Холодная вода меня не пугала, а вот отсутствие шампуня — очень даже.

— Пойдем, я тебе покажу! — Мера схватила меня за руку. — Что, мама Нисса тоже мыться заставляет?

— Ага, — согласилась я. — Сегодня же Имболк.

Мы несколько раз сходили к реке и наносили полное корыто воды. По дороге Мера безостановочно болтала, рассказывая о жизни в Квартале Нищих. Раньше здесь селились горняки, вгрызавшиеся в гору Луар в поисках железа и драгоценных камней, но они нечаянно потревожили самого Диса, бога Подземного Мира. И вот много лет назад, больше чем пальцев на руках и ногах — Мера умела считать только до двадцати, — случился мор. Болезнь унесла жизни почти всех жителей, а выживших по приказу городского главы выселили за пределы крепостных стен. Дома так и остались заброшенными, потому что никто не решался селиться тут, опасаясь гнева Диса. Но нищие и так обойдены милостью богов. Так что вскоре у неплохих каменных домов горняков появились новые хозяева — калеки и уродцы всех мастей, вышедшие в тираж проститутки, старики и старухи, чьи дети сгинули в жерновах войны; разорившиеся крестьяне или горожане, не сумевшие найти работу в разросшемся Туиренне. Землетрясения, терзающие горные районы, со временем разрушили когда-то крепкие дома, и квартал горняков стал походить на своих убогих обитателей. Вскоре его переименовали в Квартал Нищих.

— Расскажи мне о своей семье, — попросила я, приняхиваясь к черной жиже, которой полагалось мыть голову и стирать одежду. Пахло отвратительно, чего и следовало ожидать.

Мера с родителями жила в небольшой деревеньке на землях лорда Мак Лока недалеко от Туиренна. Ее отец работал на виноградниках. Туиреннские вина славились на весь Эоирианн. Никто не ожидал, что фоморы проникнут так далеко на территорию Мунстера — обычно эти порождения Темного Мира нападали лишь на приграничных землях да на Ничейных Территориях. Военский отряд лорда не подоспел вовремя.

— Тьма и ужас, вот кто они, — печально закончила свой рассказ Мера, глядя, как я развязываю пояс. В руках девочка держала маленький горшочек с той самой дурно пахнущей грязью, которой следовало намазать волосы.

Для безопасности я положила около корыта тупой железный нож — единственный предмет в хозяйстве Ниссы, более-менее похожий на оружие. Украденный же кинжал спрятала под тряпье, служившее мне одеждой. Дверей в доме не наблюдалось, обитателям чужого мира я, особенно в голом виде, не доверяла.

— Огромные, безобразные, с одним глазом во лбу... — продолжала девочка. — У некоторых слишком много рук, у некоторых нет ни одной, а есть просто черные крылья, похожие на одеяла...

Я вздрогнула. Неужто это мои покойные «знакомцы» из пустыни?

— А еще с ними были люди в черных доспехах... Представляешь?! Их угнали в плен, и они стали слугами фоморов...

Сочувственно покачала головой. Глупый жестокий мир!..

— Они убили почти всех... Мы с мамочкой заползли в мое тайное место за амбаром, где я пряталась от мальчишек, когда они меня дразнили. И фоморы нас не нашли! Ой, а что это у тебя? — девочка ткнула пальчиком в заношенный бюстгальтер и бежевого цвета стринги — единственные вещи, оставшиеся от моего мира. Хотя нет, был еще амулет на кожаном шнурке и несколько гелиевых пломб во рту.

— Это... трусики и лифчик, — вздохнула я. — В Улайде такие носят... А у вас нет?

Мера покачала головой. Вот огорчение!.. Как выжить с одним комплектом белья в мире, где постоянно нападают жуткие твари?

— А это что? — спросила она, показав на зигзаг из темно-русых волос, после того как я

разделалась догола, мечтая, наконец, смыть пот и грязь пустыни и изматывающей пустынной лихорадки.

— Ваксинг бикини, — и, решив не дожидаться встречного вопроса, быстро добавила: — Такие делают в Улайде!

Увы и ах! Где ты, мой мастер с необыкновенно легкой рукой, плоской горячего воска и неиссякаемой фантазией? Из-под твоей руки выходили настоящие шедевры! Зеленого пасхального зайчика с кристаллами Сваровски муж вспоминал долго-долго...

— Хочу в Улайд! — восхищенно произнесла Мера. — А что это за камушек?

— Амулет, его мне бабушка подарила, — ответила я, решительно вынимая темный камень из детских ладошек. — Мера, солнышко, полей воду на голову! Только понемногу...

С помощью девочки я вымыла волосы и постирала белье. Мера продолжала рассказывать свою «хронику гнусных времен». Фоморы вырезали всю мужскую часть деревни, угнали в плен женщин и детей. Участь пленников считалась намного печальнее тех, кому просто перерезали горло. Когда появился воинский отряд из замка, было слишком поздно — в живых остались только они с матерью.

Получив небольшую компенсацию от лорда Мак Лока, Фелиса, мать девочки, оплакав мужа, родню, друзей и соседей, перебралась в Туиренн. Она хотела устроиться в служанки, но не смогла найти работы в переполненном приезжими городе. Какое-то время Фелиса торговала на рынке, но получалось не очень бойко. Деньги заканчивались. Из дешевого постоянного двора они вскоре перебрались в этот квартал. Наконец, потратив последние деньги на взнос в Гильдию Нищих, Фелиса стала просить милостыню у храма Богини Бригиты.

Мы собрали в жилище Ниссы грязное тряпье, служившее ей, а затем и мне постелью, похоже, слишком долго, и оттащили к реке. Оставшейся черной кашцей из горшка я выстирала несколько грязных кусков ткани, остальные же натерла глиной, как посоветовала Мера, и прополоскала в медленной проточной воде реки Туи. Дома развесила тряпки на изгороди прямо перед домом Ниссы. Свое единственное платье и белье постирала в корыте, и Мера отнесла его сушиться на солнышке.

Мы сидели в доме на полу и пили молоко. Я, завернувшись в одеяло, рассказывала придуманные истории про Улайд, стараясь, чтобы Мера не слишком удивлялась. Еще слухи пойдут!.. Потом, надев подсохшее белье и все еще влажное платье, под руководством Меры собрала золу из очага в горшок с водой. Щелоку следовало несколько дней настояться, чтобы получилась отличная черная грязь, которой здесь мыли голову и стирали.

Мера попросила разрешения заплести мне две косы, как носили женщины Эирианна. Я согласилась. Девчушка ловко расчесывала мои длинные светлые локоны и рассказывала о своем мире.

Оказывается, Туиренн — один из крупнейших городов Мунстера. Его построили рядом с горой Луар на краю Великой Пустыни как приграничную крепость для защиты от фоморов, чтобы не пускать нечисть в глубь страны. Но вскоре город разросся, и все благодаря тому, что в скалах нашли железо, да и теплый климат и плодородные горные склоны способствовали развитию виноделен и сельского хозяйства. Столица Мунстера называется Кашель — крепость, там находится королевский дворец. Сам Эирианн составляют пять государств: Коннахт, Улайд, Мунстер, Лагин и Мидэ. В Мидэ в окрестностях города Тара, среди зеленых холмов расположен вход в мир Первородных — Нуадреанн, названный в честь короля Нуаду.

— Первородные? — удивилась я. — Кто это такие?

Мера расчесывала мои волосы, непослушные локоны лезли в глаза, горели золотом в лучах пробивающегося сквозь занавес солнца. От успокаивающих прикосновений гребня клонило в сон.

— Первородные! Как ты можешь не знать! — возмущилась девочка. — Наверное, в Улайде совсем память отшибло! Это Дети Богини Дану, они прилетели сюда на темных облаках. Их было так много, что три дня не было видно солнца. Король драконов, Нуаду Серебряная Рука, разбил войска людей, что в те времена правили Эирианном.

— Отлично, — пробормотала я, пытаясь хоть как-то пристроить эту информацию в голове. — Значит, Первородные и король драконов Нуаду Серебряная Рука... Хорошее имя, харизматичное! Постой-ка, говоришь — драконы? Какие еще драконы?

— Самые обыкновенные, — спокойно ответила девочка. — Очень большие, они летают и могут изрыгать пламя. Правда, я еще ни одного не видела, — призналась она.

Страшная догадка потрясла мое и без того ослабленное чудесами чужого мира сознание. Значит, в пустыне я столкнулась не с динозавром! Чудовище с черными перепончатыми крыльями, что внимательно разглядывало меня, лежащую на песке... Это был... Первородный?.. О, боже...

Я нервно рассмеялась.

— Послушай, а как они выглядят, эти драконы, дети Богини? Они люди или кто?..

Мера посмотрела на меня сочувственно, как на сумасшедшую, которую нельзя расстраивать, чтобы не случился очередной припадок.

— Они прекраснее всех людей, в них течет божественная кровь Богини Дану, — мечтательно произнесла девочка. — Самые умные, лучшие на свете воины, замечательно играют на музыкальных инструментах, к тому же только им и их детям подвластна на Эирианне магия. Поэтому и в друиды берут только тех, в ком есть хоть небольшая частичка крови Первородных. Какой же друид без целительной магии?..

— Значит, они — все же люди?

Никак не получалось представить крылатого дракона, да еще с лютней... в зубах. Или все же в лапах? Что там Мера говорила про магию? Я вспомнила, как темноволосый красавчик из крепости филигранно управлял Потоком! Может, он и есть тот самый дракон, что нашел меня в пустыне?

— Они могут принимать облик как человека, так и дракона, — продолжала Мера. — И еще они живут долго-долго, всегда! Никогда не умирают, если только их кто-нибудь не убьет!

— А откуда ты столько знаешь? — подозрительно спросила я, пораженная эрудицией маленькой девочки.

— Я учусь в храме Бригиты, — с гордостью ответила Мера. — Меня выбрали среди многих девочек, я уже полгода хожу в школу. Посмотри, у меня даже талисман есть. Похожий на твой! Мне его сама Мать-Друидесса подарила!

Она вытащила из-под длинной рубахи кожаный шнурок, на котором висел серый камень с выцарапанной на нем кривой спиралью. И в самом деле похож, правда, мой — без наскальной живописи.

— Когда я вырасту, то стану жрицей, — продолжала девочка. — Если бы у меня были способности к целительству, то я смогла бы выучиться на друидессу... Но мои родители — чистокровные люди, — печально добавила она.

Я прижала девочку к груди. Чужой мир, но так похож на наш, где людям с «голубой» кровью кто-то заранее услужливо распахнул все двери.

— Знаешь, если чего-то очень-очень захочешь, все обязательно сбудется!

— Правда? — удивилась девочка.

— Да, только придется много-много учиться и работать!

Мне ли не знать, привыкшей к ежедневным изматывающим тренировкам? А потом было несколько лет учебы, когда я хваталась за любую подработку, чтобы прокормить себя. Родителей уже не было. Бабушка пыталась помогать, но я не соглашалась. И ведь справилась!

Мера не отпускала меня, прижалась сильно-сильно, я тоже обняла ее худенькое тельце, чувствуя, как мне в грудь врезаются кости острых плечиков.

— А затем пришли фоморы, — внезапно тусклым, безжизненным голосом повторила она.

— Не рассказывай! — попросила я. — Тебе тяжело, не надо!

— Но ты должна вспомнить! О таких вещах на Эирианне забывать нельзя. Ведь фоморы — порождения Тьмы и Ужаса, уродливые великаны, живущие в Нижнем мире. Им служат люди, перешедшие на их сторону. Они несколько раз пытались захватить Эирианн, но Племена Богини Дану разбили их в битве при Маг-Туиреде, где погиб король Нуаду Серебряная Рука. После этого фоморы долго не ступали на наши земли. А потом здесь появились сыновья Миля, наши предки, — продолжала Мера, — и разбили войска Первородных. С тех пор всем Эирианном правят люди. Дети Богини Дану ушли в Нуадреанн, королевство, куда не ступала нога ни одного человека.

— Правда? — удивилась я. — Не может такого быть! Обязательно найдется кто-то слишком любопытный...

Мера пожала плечами.

— Я не знаю... Говорят, что люди в их страну попасть не могут. Несколько лет назад фоморы опять напали на Эирианн, потому что хотят править всеми мирами — и нашим, и Нуадреанном. И еще отомстить Первородным за то поражение...

Девочка заплакала. Слезы потекли из глаз, впитываясь в грубую материю моего платья.

— Давай приляжем, — попросила я, кивнув на шкуру неизвестного, но внушающего уважение зверя. Мера согласилась.

Она заснула, продолжая обнимать меня. Я убрала рыжие волосы с ее чистого лба, переложив поближе нож, подтянула край одеяла и скользнула вслед за Мерой в мир сновидений.

Меня разбудил женский голос. Попыталась встать, но запуталась в одеяле, да и цепкое кольцо детских рук не давало подняться.

— Эиринн, я вернулась! — мама Нисса сидела рядом на полу и улыбалась. — Как спалось?

— Спасибо, очень хорошо, — пробормотала я, чувствуя неловкость. Почему она упорно зовет меня именем умершей дочери? Как-то слишком быстро я превратилась в Эиринн!

— О, Мера, ты тоже здесь? — удивилась пожилая женщина.

— Доброго дня, мама Нисса, — сонно ответила девочка, все еще обнимая меня. — Вы из города? Не видели там мою маму?..

— Она на рынке, скоро придет.

— А мы тут слегка... задремали, — призналась я, пытаюсь пригладить растрепавшиеся волосы. Мера их расчесала, но за разговорами косы так и не заплела.

— Тебе сейчас надо много спать, — сказала женщина, поднимаясь с колен. — Я вижу, вы хорошо похозяйничали! Какие молодцы!

Похвала оказалась приятной. Внезапно страшная мысль пришла в голову, заставив подпрыгнуть: я же забыла снять белье с изгороди! Может, здесь воруют все, что плохо лежит и хорошо сушится? И из-за меня мама Нисса лишится дорогих сердцу тряпок!..

— Сейчас вернусь! — воскликнула я, расцепила руки девочки и рванула к выходу, мечтая, чтобы ничего не пропало. Тут полог на входе в дом отодвинулся, и я влетела животом в большую плетеную корзину, прикрытую светлым домотканым полотенцем, из-под которого смущенно выглядывали куриные ноги и угадывались круглые бока то ли яблок, то ли апельсинов.

— Эй, — раздался возмущенный мужской голос. — Пропусти, чего встала! Тяжело же!

Я растерянно заморгала — на меня снизу вверх смотрел мужчина. Коренастый, ростом едва мне по грудь, короткие искривленные руки и ноги, голова — слишком большая для короткого тела. Косо подстриженная темная челка густой копной спадала на широкий лоб. Черные глаза, внимательно глядящие на меня. Наконец мужчина выдал вполне привлекательную улыбку, блеснув ровными белыми зубами на заросшем щетиной лице. Он выглядел лет на тридцать, не больше, и если б не рост, я сочла бы его вполне симпатичным.

Карлик со вздохом опустил ношу на пол.

— Простите, — пробормотала я. — Давайте помогу!

Схватила корзину, рывком подняла. Тяжелая! Потащила к столу. Ой, как неудобно вышло!

— Я бы сам донес, — весело сказал он мне вслед. — А куда ты так спешила?

Точно, тряпки! Я взвыла и рванула к выходу.

— Эиринн, ты куда? — крикнула Нисса.

К моей радости, на тряпье никто не покусился. Я сгребла его в кучу и занесла в дом. Там все оказались при деле. Мера, болтая ногами, сидела на лавке и ела хлеб с маслом. Темноволосый мужчина — ну не могу называть его карликом! — грыз сыр, задумчиво разглядывая меня. Мама Нисса ловко разделывала курицу.

— Вот, выстирала, — я положила кучу на пол.

— Спасибо, доченька, — похвалила мама Нисса, подошла ко мне и поцеловала в щеку.

Руки у нее были в птичьей крови. Я смутилась окончательно.

— Сыр будешь? — Голос мужчины разрядил повисшее молчание. — Меня Бэком зовут!

— Нет, спасибо, — ответила я, присаживаясь на скамью рядом с Мерой. На столе лежали несколько крупных грязных морковок. Наверное, следует почистить, раз они тут лежат! Сходила за ножом, которым собиралась отбиваться от негодяев.

— А ты у нас кто? — спросил Бэк.

— Марта...

— Эиринн! — в один голос поправили Нисса с девочкой.

— У нее память в Улайде отшибло, — наябедничала Мера. — Она вообще ничего не помнит!

— Ну, спасибо тебе, — прошипела я и погрозила ей кулаком. Мера захихикала.

Нисса, напевая песенку, вешала котел над разгоревшимся очагом. Я скоблила тупым ножом морковь под одобрительные взгляды хозяйки. Бэк уничтожал запасы еды из корзины.

— Ну что же, Марта-Эиринн, — произнес Бэк, прикончив кусок сыра и взявшись за яблоко. Крепкие зубы вгрызлись в мякоть, сок брызнул во все стороны. — Нисса уже говорила, что тебя ищут?

— Бэк! — с упреком произнесла женщина. — Мы же решили, что обсудим все после праздника!

— Нет уж, давай сейчас разберемся, а уж потом будем отмечать! Мера, красавица моя, а ну-ка дуй домой! Мать тебя, наверное, обыскалась уже!

— Ну можно я еще с вами посижу? — заныла девочка.

— Нет! — рывкнул Бэк, скорчив страшную мину. — Убегай сейчас же, а то я тебя съем!

Мера засмеялась, спрыгнула с лавки, помахала рукой.

— Вечером увидимся! У реки! Не забудьте...

— Да придем мы, придем, — улыбаясь, ответила Нисса.

Когда девочка убежала, Бэк, подперев ладонью щеку и не забывая жевать яблоки, снова принялся меня рассматривать. Я тоже молчала, скребя последнюю морковь. Что бы еще почистить?

— А ты знаешь, Марта-Эиринн, что воровство в Мунстере запрещено? Наш король Гургаст Худой, да продлят Боги его дни, величайшим указом запретил сие занятие на этих землях.

— Прискорбно, — согласилась я. — А что, прямо так сильно ищут?

Он кивнул. Мама Нисса, тяжело вздыхая, кидала в котел куски курицы. Я принялась нарезать морковь — сначала маленькими кубиками, потом все мельче и мельче.

— Разыскивают северянку, не говорящую на всеобщем языке. Рост, цвет глаз и волос — все сходится! Хотя я даже и представить не мог, что ты такая красotka.

Я удивленно мигнула. Это что, комплимент? Как-то совсем не вовремя!

— Так зачем тебе был нужен меч?

— Вообще-то, это кинжал, — призналась я. — Но какая уже разница! Мне теперь придется бежать из города?

— Не пройдешь через ворота, — покачал головой Бэк. — У стражи твое описание. Задержат!

— Печально... А что будет, если поймают?

— Законники всегда на стороне знати и воинов. Думаю, штраф окажется слишком большим, чтобы вы, девочки, смогли его заплатить. Посадят в тюрьму. А знаешь ли ты, что

делают в камере с такими красотками?

Он, криво ухмыльнувшись, протянул руку к моей груди, наверное, решив на деле показать, что ожидает меня в будущем. Я задумчиво подкинула нож и, поймав, с силой всадила в столешницу. Надеюсь, поймет. Жаль, если придется показать, насколько легко перерезать человеку горло тупым лезвием. Бэк усмехнулся, но руку убрал.

— Ой, ты уже нарезала морковку? — Подошла к столу мама Нисса — Какая молодец! А где у нас каштаны?..

— Здесь, — я протянула ей глиняный горшок. В конце прошлого лета мы с мужем были в Париже, прошли по Елисейским Полям, ходили в Лувр, гуляли по набережной Сены. Отовсюду доносился тонкий запах французского сыра и жареных каштанов с медом. Жизнь казалась прекрасной — я целую неделю не вспоминала о Мареке, и слово «развод» еще ни разу не прозвучало в наших с Сергеем разговорах... Как давно это было!

— Гильдия сможет защитить тебя, Эиринн, — произнес Бэк, возвращая к действительности. Надо признаться, она, действительность, была так себе, средней паршивости. — Все решится завтра! Нужен третий поручитель, моего слова и рекомендации мамы Ниссы не хватит.

— Я уверена, Фелиса согласится, — спокойно произнесла пожилая женщина. Она добавила в котел пряные травы, по дому разнесся аппетитный запах. Меня уже мало волновали Гильдия и поручители, желудок умолял, вернее, требовал его накормить.

— Думаю, да, — произнес Бэк, слезая со скамьи. — Ведь ты столько для нее сделала. Ладно, пойду прогуляюсь, поговорю с ней. Да, кинжал мне отдай, не надо его в доме держать. Попробую продать через знакомых.

Я покорно достала из-под тряпья украденную вещь. Бэк прав, лучше избавиться от такой улики. Карлик, покрутив в руках кинжал, хмыкнул, затем пробормотал что-то нелестное о моих умственных способностях. Я промолчала, потому что была с ним согласна. Надо же до такого додуматься! Если бы просто сбежала, таких проблем бы не было.

— А ужинать? — удивилась мама Нисса. — Разве ты не останешься?

Он покачал головой.

— Нет. Вечером за вами зайду. Прощай, красавица. — Это, наверное, мне.

— А-а... до свидания, — растерянно ответила ему вслед.

Мама Нисса, тихонечко напевая, помешивала суп. Я прислушалась — речь шла о любви воина и принцессы. На пути у влюбленных возникло непредвиденное препятствие в виде смерти этого самого воина. Печально!

— Пойдем, деточка, платье померим, пока суп не сварился, — предложила женщина. — Сегодня праздник, нечего в обносках ходить. Ты у меня настоящая красавица.

Она поднялась, а я в нерешительности осталась сидеть на лавке. Все как-то неправильно получается. Не только попала в чужой мир, да еще и заняла чужое место. Мама Нисса тем временем открыла сундук и принялась доставать из него аккуратно сложенные вещи, преимущественно темно-серых цветов. Хотя иногда попадались яркие тона.

— А... Бэк знает, что я — не твоя дочь?

— Знает, — кивнула женщина. — Он единственный, кто знает. Будет лучше, если другие станут считать тебя Эиринн.

— Почему?

— Я живу здесь уже много лет. Меня в Квартале Нищих уважают. Но тут полно мерзавцев, — вздохнула мама Нисса, — к тому же здесь не любят пришлых. Особенно, если

те не могут за себя постоять.

Уж что-что, а постоять за себя могла всегда. Я хотела было возмутиться, но промолчала.

— Если будут думать, что ты — моя дочь, да и Гильдия встанет на защиту, тебе ничего не угрожает. Вот, посмотри — платье Эиринн! Она, конечно, была чуть меньше ростом, но такая же худенькая, как ты, — женщина держала сложенную темно-зеленую материю.

— Спасибо, — я взяла в руки одежду давно умершей девочки. Понятно, что Нисса права. Сейчас не время устанавливать свои правила. К тому же я ничего толком не знала об этом мире. — Мне... сразу примерить?

— Как хочешь! Можешь сначала поесть. Сейчас еще плащ поищу и фибулу^[2], — она снова зарылась в сундук.

Я быстро скинула служившую мне платьем темно-серую уродливую тряпку, которая в Москве сгодилась бы только полы мыть.

— Сначала это, — сказала женщина, протягивая длинную, до колен, светлую льняную сорочку. Я нырнула головой в зеленую материю платья, разыскивая рукава и ворот. Нашла. Натянула. Платье вовсе не казалось коротким, наоборот, подол практически доставал пола. На груди по скромному вырезу шла светлая вышивка. Красиво! Уж не руки ли мамы Ниссы создали эти узоры в виде переплетенных косичек?

— Да, очень хорошо, — произнесла она дрогнувшим голосом. — Носи, пожалуйста, это платье! Я хочу тебе его подарить.

— Спасибо, — ответила я.

Что же все время хочется плакать?

— Даже не знаю, как благодарить...

— Если и благодарить, то не меня, — ответила мама Нисса. — На все воля Богини-Матери. Она послала тебя в сложное время. Сложное и для меня, и для тебя, деточка.

Да, время и впрямь непростое! Как бы выпутаться из ситуации без крупных потерь?

— Расскажи мне о себе, Марта, — попросила Нисса. — Как ты очутилась в Туиренне? Почему оказалась одна, больная, на ступенях храма Бригиты? Где твоя семья, которая должна заботиться о тебе? Почему рядом не оказалось мужчины?

Слишком много вопросов, на которые я не хотела отвечать. Что рассказать о себе? Любила одного, вышла замуж за другого... Пыталась развестись, но муж упросил дать еще один шанс. Пошла за молоком — попала под колеса. Тащила по пустыне, пока не умерла в очередной раз. А может, меня все же спасли, кто знает? Я больше ни в чем не была уверена.

— Как-то все глупо получилось, — вздохнула я. Сказать, что из другого мира? По словам Меры, страшная напасть, что регулярно вторгалась в их страну, тоже не местного происхождения. Уверена, что не с Земли, но лучше промолчать. Вспомнила слова темноволосого красавчика о том, что консула Улайда повесили на воротах. Как бы самой не очутиться рядом!

— Я совсем запуталась, — пришлось признаться.

— Так бывает, — женщина присела рядом на лавку. — Сбежала из дома?

Я нерешительно кивнула. Ну, если думать образно, можно и так сказать.

— А как же твои родители?..

— Они умерли, когда мне исполнилось шестнадцать. Осталась бабушка, но она тоже умерла два года назад. Затем я вышла замуж не за того человека...

— Ушла от него?

— Хотела уйти, но он уговорил остаться. А затем вот так вышло...

— Собираешься к нему вернуться?

— Я обещала ему молока принести.

Все, сил моих больше нет! Я зарыдала, закрыв лицо ладонями. Затем продолжила на груди у мамы Ниссы. Боже, столько плакала я только на похоронах родителей и бабушки!

— О, вижу, вы хорошо проводите время! — донесся веселый мужской голос. — Льете воду во славу Богини Бригиты! А я вернулся ужинать. Не вовремя? Могу еще погулять!

— Нет, нет, — произнесла пожилая женщина. — Заходи, Бэк! Тебе здесь всегда рады.

Шмыгая носом и размазывая по лицу слезы, я смотрела, как Бэк хозяйничает в доме у мамы Ниссы, а та гладила меня по голове, пытаясь утешить. Затем женщина взяла гребень и заплела мне две косы, завязав их зелеными лентами. Бэк тем временем снял с огня котел и разлил по тарелкам суп. Зажег две свечи, поскольку дневной свет, проникающий через дверной проем, начинал сменяться сумерками.

— Что, рыдала о своей загубленной жизни? — спросил он у меня. — Вот поедим, и я расскажу свою историю. Надеюсь, она не менее жалостливая!

— Все, со слезами покончено, — ответила я, присаживаясь рядом за стол. — Но если хочешь, могу тебя пожалеть.

— Как именно? Я подумываю о нежных объятиях и поцелуях. Это поможет развеять мою грусть.

— Бэк! — строго произнесла мама Нисса. — Не забывай, что Эиринн — моя дочь.

— Я помню, — многозначительно ответил он, заглядывая в вырез моего платья.

Ай, да черт с ним, пусть пялится! Есть хотелось до ужаса.

Нисса протянула нам с Бэком по деревянной ложке. Разломала серый хлеб, положила в глиняную тарелку, поставила на середину стола.

— Давайте начнем! Во славу Богини Бригиты, сегодня — ее день! — сказала она. Пробормотала что-то, смахивающее на молитву, и мы принялись за суп, который оказался невероятно вкусным. Я съела две тарелки, прежде чем во мне проснулась совесть, попросив не наглеть. Муж очень ценил изысканную французскую еду, частенько водил меня в дорогие рестораны, но куриный суп с каштанами, приготовленный мамой Ниссой, затмевал все изыски мастеров «высокой кухни». Хотя, может, я попросту ужасно проголодалась.

После ужина женщина разлила молоко в глиняные кружки.

— Спасибо, — икнул Бэк. — Очень вкусно!

Я собрала грязную посуду, прополоскала в большом корыте и вытерла куском ткани, который больше остальных походил на полотенце. Когда-то в гостях у двоюродной бабушки Ньюры, в деревне, мы тоже таскали воду из колонки, грели ее в ведрах на плите, чтобы вымыть посуду и искупаться. В этом мире, похоже, ванна, полная горячей воды, будет являться мне лишь в мечтах.

Мама Нисса наблюдала за мной с улыбкой. Может, я что-то не то делаю? Бэк тоже время не терял, его взгляд шарил по моей фигуре, останавливаясь на наиболее выпуклых местах, которых, впрочем, было не так уж и много. Ну не выросло. Но все равно неприятно!

— Вот что, девочки! — предложил он. — Вы пока собирайтесь, а я еще немного прогуляюсь.

Закончив хозяйственные дела, я села на лавку, чувствуя, как после сытного ужина клонит в сон. Мама Нисса расчесывала светлые с проседью волосы, заплетая косы.

— А... как праздник Святой Бригиты прошел? — неопределенно спросила я, чтобы разогнать повисшую тишину. — Были ли люди достаточно щедры?

— Сегодня хорошо подавали, — ответила Нисса. — Пойдем, покажу, что удалось собрать.

Она выловила со дна корзины полотняный мешочек, обвязанный кожаным ремешком. Развязав, высыпала монеты на стол. Под ее одобрительным взглядом я стала разбирать деньги этого мира. В основном монеты были круглые, темно-коричневого цвета. Бронза? Медь? Но попадались разрезанные, а может, разрубленные острым мечом половины и четвертинки.

На каждой из монет был вытиснен профиль худого сердитого мужчины в высоком остроконечном шлеме.

— Вот это — фартинги, — мама Нисса села рядом, взяла в руки четвертинку монеты. — Меньше уже не бывает... Последнее время их подают чаще всего. Скоро в Мунстер придет война, люди стали прижимистее. Вот это — халфинги, — она показала на половинку монеты. — Целая монета называется пенни.

— А это — Гургаст Худой? — спросила я, рассматривая изображение мужчины на монетах.

— Правильно, — похвалила Нисса. — Наш король, да продлят Боги его дни!

[Купить полную версию книги](#)

notes

Праздник Имболк — 2 февраля по нашему времяисчислению.

Фибула — круглая застежка для плаща.